
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова
(г. Москва)

ЧЕРТОВЫ КУКЛЫ ЗАКАБАЛЕННОЙ РОССИИ:

Лесков — обличитель «чиновничьей шушеры»
К 125-й годовщине памяти Н. С. Лескова (1831—1895)

Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России, наш постоянный автор.

*«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых
и не стоит на пути грешных,
и не сидит в собрании развратителей» (Пс. 1: 1)*

Часть 1

В светлую память о Николае Семеновиче Лескове (1831—1895), выдающемся писателе-классике, непревзойденном художнике слова, стоит пристальнее взглянуть на один из поворотных моментов его жизни — историю увольнения с государственной службы. На вопрос: «Зачем Вам такое увольнение?» — Лесков ответил: «Для некролога». Это произошло в 1883 году — 137 лет назад.

Определением министра народного просвещения И. Д. Делянова Лесков был отчислен из министерства «с увольнением от звания члена особого отдела Ученого комитета по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения».

1 марта 1883 года в 29-м номере журнала «Церковно-общественный вестник», с которым сотрудничал автор «Соборян», «Запечатленного Ангела», «Очарованного странника» и других шедевров русской словесности, сообщалось, что 9 февраля из Министерства народного просвещения отчислен «коллежский секретарь Лесков (известный наш писатель)».

Широко известного автора — горячего просветителя и проповедника христианских истин, чьей жизненной и творческой установкой всегда было писать и говорить так, чтобы укрепить в человеке «проблески разума о смысле жизни»*, чтобы «что-нибудь доброе и запало в ум» (XI, 472) и сердце читателя, — уволили из Мини-

---

* Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958.— Т. 11.— С. 477. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

стерства просвещения. Парадоксальный, казалось бы, факт: истинный просветитель оказался ненужным на государственном уровне российской нивы просвещения.

С чего же все началось? Как и почему выдающийся русский писатель сделался гражданским служащим невысокого ранга — с чином коллежского секретаря, который скромно ютился на десятой ступеньке служебной лестницы из 14 классов согласно Табели о рангах? К слову, тем же мелким, незначительным чином были «пожалованы» гении русской литературы А. С. Пушкин, И. С. Тургенев.

Зачем же решился Лесков делить свое время между вдохновенным творческим трудом и чиновничьей службой? За ответом далеко ходить не надо. Он на поверхности: это бедность, материальная неустроенность, финансовая небеспеченность, недостаток средств даже на скромную жизнь без излишеств — обычная судьба честного писателя в России и раньше, и теперь. Стесненность в денежных средствах испытывали и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и многие их собратья по перу масштабом поменьше.

Лесков не раз оказывался в бедственном материальном положении. Величайший певец русского подвижничества, создавший для Руси «иконостас ее святых и праведных», подчас претерпевал нужду на грани голода и нищеты. Нельзя без душевной боли читать горькие сетования в лесковских письмах: «мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды <...>; мне нечем заплатить полутора руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе <...>, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому,— что меня стесняет до последней степени» (X, 266); «я бился пятнадцать лет и много раз чуть не умирал с голода» (XI, 254).

Однажды на грани отчаяния обратился Лесков в Литературный фонд с прошением предоставить ссуду в 500 рублей, которые он обязывался возратить с процентами, завершив работу над пьесой «Расточитель»: «Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства — моя драма <...> средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу» (X, 266). Писательская организация отказала в этой просьбе, но в виде подачки-милостыни снисходительно предложила «оказать некоторое пособие автору <...> предварительно собрать сведения о положении г. Лескова».

Писатель не принял фарисейского подаяния. Как только он узнал о постановлении Литературного фонда, то ответил немедленно: «Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает» (X, 267). Так литературные псевдо-собратья — пигмеи в сравнении с Лесковым по силе творческой одаренности — в очередной раз ханжески от него отреклись.

«Славы не ищу, совести боюсь, в деньгах нуждаюсь» — такую надпись сделал Лесков на своем фотографическом портрете, подаренном критику В. П. Буренину, выступавшему в последние годы жизни писателя с одиозными статьями (в 1890-е годы в газете «Новое время» он поместил ряд резких заметок и фельетонов о лесковских сочинениях). Эта фотография с автографом Лескова хранится в Доме-музее писателя в Орле.

Сберегается в орловском музее и другой автограф писателя — на его книге «Смех и горе (разнохарактерное potpourri* из пестрых воспоминаний полинявшего человека. Посвящается всем находящимся не на своих местах и не при своем деле)», подаренной младшему брату в 1871 году.

В тот год Лескову исполнилось 40 лет. Новую книгу он расценивал как важную творческую веху в субъективно переживаемый переломный момент своего земного поприща. Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: «Я стал думать ответственно, когда написал “Смех и горе”, и с тех пор остался в этом

---

* Попурри — смесь, мешанина (франц.).

настроении — критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном» (X, 401—402).

Дарственная надпись весьма оригинальна: «Достолюбезному старшему брату моему, другу и благодетелю Алексею Семеновичу Лескову, врачу, воителю, домовладыке и младопитателю от его младшего брата, бесплодного фантазера, пролетария бездомного и сея книги автора. 7 июля 71 г. СПб.»

Слова эти поначалу могут вызвать недоумение: Николай Семенович называет Алексея Семеновича, который был шестью годами моложе писателя, «старшим братом». Но речь здесь идет не о возрасте, а о «старшинстве» в смысле материальной обеспеченности. Алексей Семенович Лесков был киевским врачом с обширной практикой, что позволило ему обзавестись собственным особняком вблизи Софийского собора — стать «домовладыкой». Достаток дал ему возможность быть «благодетелем» небогатых ближних и дальних; «младопитателем», поскольку к нему «лепилось, около него кормилось и ютилось и свое, и женино, и невесть чье до какого колена родство или свойство»*. Младший брат писателя был радушен, щедр и обладал особым даром «пригрева близких».

Старший Лесков, посвятивший свою жизнь самоотверженному литературному труду, в глазах меркантильных обывателей — «бесплодный фантазер», «пролетарий бездомный», который не нажил от трудов праведных не только палат каменных, но даже не имел хотя бы какого-нибудь стабильного заработка. И в шутку, да и всерьез (снова срабатывает разнополярная система координат «смеха и горя») умаляет Лесков себя перед младшим братом — «старшим» по бытовому устройству жизни. Так за шутливой формой дарственной надписи проступает немалая доля горечи.

Чтобы как-то поправить свои финансовые дела, получать обеспечивающее жизнь жалованье, а также в новом качестве посодействовать делу народного просвещения писатель поступил на государственную службу. В начале января 1874 года Лесков был назначен членом особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа. Министр обещал годовой оклад в две тысячи рублей. Однако это оказалось враньем и издевкой: в реальности денежное содержание Лескова на службе было урезано ровно вдвое.

Писатель с большим именем в литературе так и не дождался хотя бы какого-нибудь повышения заработка за все долгие годы безупречной служебной деятельности. В 1881 году Лесков писал И. С. Аксакову: «решили, что довольно с меня и меньшего жалованья, — назначили членом ученого комитета (1000 руб.), и с тех пор я здесь восемь лет “в забыты”, хотя Толстой <Д. А. Толстой — министр народного просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода. — А. Н.-С.> знал меня хорошо, считая, по его словам (Кушелеву и Щербатову), “самым трудолюбивым и способным”, и лично интересовался моими мнениями по делам сторонним (например, церковным)» (XI, 254).

Так лесковские надежды, связанные с государственной службой, были с самого ее начала развеяны: «вместо сколько-нибудь ощутительного укрепления бюджета и выполнения иногда любопытных, живых служебных заданий предстояло полустариковское сидение за рассмотрением книг, издаваемых для народа, под нестерпимым гнетом “благочестивого вельможи”» (2, 178).

«Помилуйте, с утра до вечера убиваться над какою-нибудь сушью, над какою-то, с позволения сказать, бумажною мертвечиной», — говорил о чиновничьей службе один из героев пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (<1862>)**.

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяти: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 155. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

** Салтыков-Щедрин М. Е. Тени // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах. — М.: Худож. лит., 1965. — Т. 4. — С. 358.

Однако Лесков со всей ответственностью, с полной самоотдачей выполнял трудоемкую, кропотливую работу: был рецензентом, готовил многостраничные доклады (один из важнейших — «О преподавании Закона Божия в народных школах»), объемные служебные записки, заключения, отчеты, массу другой служебной документации. Подробное описание материалов этого рода деятельности писателя представлено в книге его сына и биографа Андрея Лескова*.

В период службы писателя в Министерстве народного просвещения сменились четыре министра, но ни один из них не подумал хотя бы как-то отметить и поощрить необыкновенного сотрудника за безупречный, добросовестный труд, на который затрачивались большие силы, драгоценное время.

Лескова обходили также повышением по служебной лестнице, забывали повышать классный чин даже за выслугу лет, держали, что называется, «в черном теле».

«Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет», — говорится в лесковской статье «Заповедь Писемского» (1885).

О том, каким издевательствам «чиновная шишмара» (2, 179) подвергала писателя, как куражились над ним, язвили и жалили его канцелярские букашки, отравляя Лескову жизнь, он вспоминал в письме Аксакову: «Наконец им стало стыдно не давать мне ничего, и Георгиевский <председатель Ученого комитета — А. Н.-С.> лет через пять после моего поступления сделал представление о награде меня за многие полезные труды и “за прекрасное направление, выраженное в романе "Некуда", навлекшем на меня ожесточенное гонение нигилистической партии”, — чем бы Вы думали: чином надворного советника, то есть тем, что дается каждому столоначальнику и его помощникам. Мне это испрашивалось *в числе двадцати человек*, назначаемых к особым наградам к *Новому году*. И что, Вы думаете, последовало? Толстой на обширном и убедительном докладе Георгиевского надписал: “Отклонить”, а из числа двадцати чиновников *одного меня вычеркнул*. И это всякий чиновник д<епартамен>та видел и хохотал над тем, что значит быть автором “Некуда”. “После того и деться некуда”, — острил в сатире Минаев. Чем же эта молодежь напоевалась, видя такое усердие меня обидеть, признаться сказать, в таком деле, которое мне и неинтересно, потому что быть или не быть “надворным советником” уже, конечно, — все равно» (XI, 254—255).

Несмотря на последнее заявление в этом фрагменте письма, по всему его тону чувствуется, что обиды и унижения не прошли для Лескова даром, бурлили и поднимались со дна души, засели в «печенях», как позже писал он о приснопамятном «огорченном налим» в своей последней повести «Заячий ремиз» (1894).

«Нам по службе нет счастья в роду», — говорил писатель своему сыну Андрею (2, 176). В министерстве продвигали тех, кто даже близко не мог сравниться с Лесковым по одаренности, глубинному постижению жизни России, знанию русского народа «в самую глубь». Честный высокоталантливый художник русского слова, идущий своим путем — «*против течений*», государственной системе был неугоден — здесь привечали только раболепствующих низкопоклонников, вышколенных и выдрессированных бездарностей по прозванию «*Чего изволите?*». Собственное мнение здесь никогда не приветствовалось, вызывало подозрение, отторжение и страх.

Крайне нерасположен к выдающемуся русскому писателю был его непосредственный начальник по службе А. И. Георгиевский — завистливый инородец-безбожник, выходец из Одессы. Он отличался особой еврейской мстительностью и не забы-

---

* См. также: Чуднова Л. Г. Н. С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996 — издание продолжается <весьма показательно для современной государственной издательской политики отношение к сочинениям Лескова: к 2018 году, за 22 года с начала издания, выпущено в свет лишь 13 из 30 запланированных томов. — А. Н.-С.>. — Т. 13. — С. 534—576.

вал «оцарапавшее его перо» — статью Лескова «Литератор-красавец» (1867), в которой однажды был задет писателем задолго до его поступления на службу. На одном из автографов Лесков сделал приписку: «Георгиевский Александр Иванович. Экс-либерал из Одессы.— “Рука Каткова” и “подобие Бисмарка в России”» (2, 179). О нем же отозвался писатель в одной из корреспонденций: «провинциальная шушера и чиновная шишмара, взросшая в пресмыкательстве и добывающаяся его от других» (2, 179).

Пронырливая одесская «шушера», прокрававшаяся искательством, подобострастием и подкупом до кресла председателя комитета в министерстве, продувная бестия Георгиевский мнил себя важной персоной и не упускал случая подчеркнуть свою значительность. Ординарность, напустившая на себя начальственное высокомерие, не терпела таланта и самобытности в подчиненных. Этому чинодралу подошла бы характеристика из пьесы Салтыкова-Щедрина «Тени»: «Он так же, как и все эти трутни-проходимцы, весь сшит из чужих лоскутьев, весь набит чужими словами, весь пропах чужими запахами»*.

В романе «На ножах» (1871) — за три года до поступления на службу — Лесков разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных экс-нигилисту «деятелю на все руки» еврею Тихону Кишенскому. Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно — знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями добродетели, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне. О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые отцы — христианские подвижники.

«Кто втерся в чин лисой, тот в чине будет волком», — писал о таких В. А. Жуковский. О подобных проходимцах говорил также И. А. Крылов в своей басне «Осел» (1815):

*В природе и в чинах высота хороша,
Но что в ней прибыли, когда низка душа.*

Салтыков-Щедрин в драме «Тени» представил типические черты бюрократической среды: «надо много ловкости, чтоб пробалансировать», «нужно только обладать бесстыдством!»; «от них разит тлением»; «какая-то неприятная юркость, какое-то молодецкое желание блеснуть изворотливостью совести»**. «Точно я попал в трущобу, в которой копошится гадина, и не знаю, где она кроется и куда хочет направить свое ядовитое жало!»*** — мог бы воскликнуть вслед за щедринским героем Лесков.

Характерен переданный сыном писателя следующий эпизод служебных взаимоотношений между начальствующим и подчиненными. Упоенный сознанием собственного властительного величия Георгиевский церемонно-торжественно появлялся на заседаниях комитета всегда последним, «дабы иметь возможность благосклонно принять почтительное приветствие всего состава возглавляемого им органа и, первым опустясь в председательское кресло, милостиво пригласить всех занять свои места. Это пышное “сретание”, повторявшееся каждый вторник, мутило дух уже отвыкшего от многого литератора. Чтобы не вставать при появлении его превосходи-

---

* Салтыков-Щедрин М. Е. Тени // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах. — М.: Худож. лит., 1965. — Т. 4. — С. 364.

** Там же. — С. 345, 350, 379.

*** Там же. — С. 376.

тельства в распахивавшихся курьером дверях, Лесков никогда не садился до появления последнего» (2, 180—181).

Автор этих строк, имеющий многолетний опыт государственной службы, свидетельствует, что до настоящего времени во всей бюрократической низости сохраняется точно такая же чиновничья «церемония» с ожиданием «высокого лица» (будь то губернатор, председатель законодательного собрания, начальник департамента и т.п.), появление которого все обязаны почтить вставанием и получить снисходительное разрешение садиться. Какой-нибудь мелкий чиновничко-наблюдатель (чаще всего сотрудник организационной службы), чтобы потом доложить «наверх» о нелояльности к властям предержавшим, по старинке «берет на карандаш» — заносит в блокнотик фамилии тех, кто не успел или не захотел раболепно привстать перед начальственной персоной.

Пожалуй, все это мелочи. Но, как известно, из такой вот «тины мелочей» слагается жизнь, а человек наиболее проявляется именно в мелочах. В цикле «оглушительных» очерков «Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры)» (1878—1880) Лесков обратил внимание на те «мелочи жизни, в которых человек наиболее познается как живой человек, а не формулярный заместитель уряда — чиновник, который был да и умер, а потом будет другой на его место — все равно какой» (VI, 535). Писатель показал неразрывную связь мелочей с общим устройством жизни.

Часть 2

Пылкий человек с пламенной душой, с трудом сдерживающий праведный гнев и негодование, Лесков задыхался в удушливой, затхлой атмосфере «умеренных и аккуратных» канцелярских ничтожеств, угодливых лизоблюдов, продажных подлецов, по-лакейски заискивающих перед вышестоящими и готовых при всяком удобном случае пинать нижестоящих.

Понятия чиновник и подлец в русской классической литературе составляют один синонимический ряд. «*Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой*», — писал в «Колыбельной песне» Н. А. Некрасов. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1866—1876) он сложил о чиновниках такие строки:

В груди у них нет душеньки,

В глазах у них нет совести.

На шее — нет креста!

О безбожных, бессовестных, бездушных бюрократах, об их жизни, «полной трагикомических скачков от наглости к пресмыкательству» (XI, 24), не раз говорил и писал Лесков. Марионетки, заводные живые механизмы получили у писателя многозначнее именование «чертовы куклы».

О замысле романа с этим названием Лесков сообщал 3 августа 1875 года в письме А. П. Милюкову, говоря о подхалимах и прихлебателях из Министерства народного просвещения, славших министру графу Д. А. Толстому приторно-льстивые восхваления: «Еще ли не деятели? А того нет, чтобы сказать графу о стоне, который стоит по всей стране за неразрешение переэкзаменовок за одну двойку... Кто же будет с ними? — Конечно, только они сами, пока их черт возьмет куда следует. Они мне и здесь и воду, и воздух гадят, и на беду их тут много собралось».

В заключение скажу, что вся эта пошлость и подлость назвали меня до желания написать нечто вроде «Смеха и горя» — под заглавием «Чертовы куклы», и за это я уже принялся» (VIII, 627—628).

Комитет, в котором работал писатель, вызывал у него отвращение: «“Комитет мерзил” Лескову еще с 1875 года, а ученого председателя его Лесков, опасаясь своей вспыльчивости, почитал за счастье “не видеть” вовсе» (2, 177).

Согласно лесковской эпиграмме, государственный контролер Т. И. Филиппов — «мерзкий сводня, / Лысец презренный и холоп» (2, 187).

Упомянув в письме о министре Делянове, писатель добавлял: «к которому я питаю только презрение, вполне им заслуженное» (2, 195).

Этот министр народного просвещения налагал путы на дело просвещения народа и прославился недоброй славой, когда издал нормативный акт, прозванный в России «циркуляром о кухаркиных детях», в котором предписывалось не принимать в гимназию «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.». Лесков немедленно откликнулся статьей «Гимназический крах» (впоследствии — «Темнеющий берег»). Он писал издателю А. С. Суворину: «Ивана Делянова с его последним распоряжением, кажется, позволено сажать на кол тою частию его тела, которая у него более прочих пострадала» (XI, 351).

Той же участи можно было бы пожелать современным руководителям российского просвещения — затейникам ЕГЭ и ОГЭ, преднамеренно оглупляющим учеников, заранее поделившим на касты детей, с младенчества встраиваемых в государственную машину по закабалению и подавлению личности на всех социальных уровнях.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силен и так велика ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто ее не стыдится. Это приметы нашего времени, неоспоримые факты.

Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого «среднего класса» вынуждены учиться «чему-нибудь и как-нибудь». В лучшем случае их ждет удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем — они становятся просто «рабочей силой» или «человеческим материалом», которым власть имущие могут распоряжаться по своему усмотрению.

Очень «опрятный в душе человек» — Лесков никогда не поступался своими принципами. В одном из писем он заявлял: «Прошу вас на меня никогда не смотреть как на пешку, которую можно двинуть без разбора во всякий след. Это всегда будет ошибочно и мне несносно» (2, 195).

Наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» (1862) обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «О, горе сим мытарям и фарисеям! <...> А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Все на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не брешь. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй» (I, 52).

«Возненавидел я сборище злонамеренных и с нечестивыми не сяду» (Пс. 25: 5), — словами псалма можно было бы передать отношение писателя к государственной службе. И все же он, неуживчивый в гнусной среде бездарных и бездушных министерских чинуш, вынужден был тянуть эту тяжкую лямку.

Терпение Лескова вызвало удивление у его сына — автора биографии писателя: «Почему-то сам он, как это ни странно, точно не задумывался над тем — совместимо

ли с занимаемым им служебным положением, год от года становившееся все менее “благонамеренным”, если не “потрясовательным”, направление всей писательской его деятельности? Почему-то не собрался пересмотреть вопрос — нужна ли ему вообще на что-нибудь эта нудная служба с ее жалким окладом, отнимающая так много рабочего времени от писательства, со всеми ее досаждениями! Что могла она сулить в будущем, если до сих пор приносила только одни уязвления, недвижимо держа его на самой низшей оплаченности в восемьдесят рублей в месяц, не повышая в чинах даже “за выслугу лет”! Шел планомерный измор. Как можно было его не замечать и терпеть!» (2, 176—177).

В письме к А. С. Суворину у Лескова есть знаменательные слова: «я не мщу никому и гнушаюсь мщения, а лишь ищю правды в жизни» (X, 297—298). Такова была его человеческая, гражданская и авторская позиция. «Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми социально-политическими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни». В рассказе «Под Рождество обидели» (1890) писатель предложил поразмышлять: «Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю, вспомяни, чему тебя учил сегодняшней Новорожденный <...> ты разберись, пожалуйста, сегодня с этим хорошенечко: обдумай — с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона, или с Тем, Который дал тебе “глаголы вечной жизни”...»*

В лесковский текст органично вживляется евангельская цитата. Апостол Петр, отвечая Христу, говорит, что Господь для людей — единственное духовное прибежище: «Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого» (Ин. 6: 68—69).

Справедливо названный «величайшим христианином среди русских писателей»** Лесков оставался с Христом, слушаясь прежде всего голоса совести и отказываясь «с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта» (XI, 234). Писатель и на государственной службе выбрал службу Христу по Его заповеди: «Кто Мне служит, Мне да последует» (Ин. 12: 26).

Незадолго до отставки Лесков по распоряжению министра был назначен членом комиссии по рассмотрению сочинений, представленных на соискание премии имени Петра Великого. За эти труды писателя удостоили специальной золотой медали. Но он не принял министерской награды и попросил отправить ее в Орел для помощи беднейшему ученику гимназии, в которой сам когда-то учился. Уже после увольнения — 31 марта 1883 года — Лесков писал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «золотую медаль, мне следующую, просил прямо из министерства отослать в Орловскую гимназию на помощь беднейшему ученику, отправляющемуся в университет» (2, 198). Спустя неделю — 7 апреля — Лесков известил о том же директора Орловской гимназии.

С каждым годом возрастала критическая настроенность писателя по отношению к несправедливо устроенному обществу. Лесковское творчество становилось не просто оппозиционным, но по-настоящему «потрясовательным» (выразительный словообраз не сходит со страниц повести «Заячий ремиз» — «лебединой песни» писателя).

В эти годы созданы хроника «Захудалый род» (1874), повесть «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874); начат роман «Чертовы куклы» (1875); написаны рассказы «Пигмей» (1876), «Железная воля» (1876), очерки «Великосветский раскол» (1876); очерки и рассказы 1877 года «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни», «Владычный суд», «Бесстыдник», «Некрещеный поп», «Явление

* Лесков Н. С. Под Рождество обидели // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 3-х т. — М.: Худож. лит., 1988. — Т. 3. — С. 205.

** J. von Guenter. Leskov. Russlands Christlichster Dichter. — Jahrgang 1, 1926. — S. 87.

духа». Затем в 1878 году появились очерки «Русское тайнобрачие» и «Мелочи архиепископской жизни», рассказ «Ракушанский меламед»; в 1879 году — «Однодум», «Шерамур», «Рождественский вечер у ипохондрика» (впоследствии: «Чертогон»).

Писатель устраивал настоящий чертогон бесам в человеческом обличье. Одно за другим следовали хлесткие, жгучие, занозистые беллетристические и публицистические произведения: «Безбожные школы в России», «Об обращениях и совращениях», «Случаи из русской демомании», «Епархиальный суд», «Дворянский бунт в Добрыньском приходе», «Святительские тени», «Иродова работа», «Бродяги духовного чина», «Райский змей», «Церковные интриганы», «Официальное буффонство», «Синодальные персоны», «Поповская чехарда и приходская прихоть», «Заказная литература», «Благонамеренная бестактность», «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства», «Жидовская кувырколлегия (Повесть об одном кромчанине и о трех жидовинах)».

Одновременно из-под пера Лескова выходили истинные шедевры художественной прозы: «На краю света» (1879), «Кадетский монастырь» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Белый орел» (1880), «Дух госпожи Жанлис» (1881), «Христос в гостях у мужика» (1881), «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Привидение в Инженерном замке» (1882).

Кто знает, сколько еще превосходных произведений мог бы создать писатель-христианин, если бы рутинная казенная служба не отнимала у него столько сил, времени и не отвлекала бы от литературного творчества. И если бы не события в связи с государственной службой Лескова, имена всех этих «сиятельных», «высокопоставленных» и «высокопосаженных» особ: сановников, руководителей министерств, департаментов и комитетов — никто бы не вспомнил, они сгинули и стерлись бы навсегда: *«нечестивые <...> как прах, возметаемый ветром»* (Пс. 1: 4), — но теперь известны недоброй памятью.

Художественно-публицистическое творчество в период государственной службы неумного писателя не могло не навлечь на него злобу, гнев, враждебность и мстительность власть имущих. Чего стоят одни только названия лесковских сочинений (автор любил, чтобы заглавие было «едко и метко», чтобы «кличка была по шерсти»), говорящие сами за себя!

Разрыв государственно-служебных отношений назревал около десяти лет, но был неизбежен. Наконец, он произошел самым драматическим и нетривиальным образом — все, что связано с Лесковым, с его личностью и творчеством, не могло быть не отмечено самобытностью и оригинальностью.

Властям, указавшим на несовместимость литературной деятельности Лескова с его государственной службой, не удалось обуздать великого русского художника слова. Тогда в ход был пущен неприкрытый административный произвол. Министр предложил несговорчивому служащему подать прошение об отставке. В переводе на современный бюрократический язык — написать заявление об увольнении по собственному желанию. Только этот вид отставки давал право на получение пенсии. Писатель категорически отказался подать такое прошение.

Под непосредственным впечатлением тяжелого разговора с министром Лесков писал своему киевскому другу Ф. А. Терновскому: «Дело рассказывать долго нечего: оно произошло 9-го февраля — с глазу на глаз у Деянова, который все просил “не сердиться”, что “он сам ничего”, что “все давления со вне”. Сателлиты этого лакея говорили по городу <...> будто “давление” идет даже от самого государя, но это, конечно, круглая ложь. <...> Прошение не подал и на *просьбу* “упомянуть” о прошении — *не согласился*. <...> Не огорчен янисколько, но рассержен был очень и говорил прямо и сказал много горькой правды. На вопрос: “Зачем вам такое увольнение”, — я ответил: “Для некролога” и ушел. О “Комаре” <статья Лескова «Протопоп

Комарь и две Комарихи» — А. Н.-С.> не было и помина, а приводились “Мелочи архиерейской жизни”, Дневник Исмаилова <лесковские очерки «Синодальные персоны», «Картины прошлого» — А. Н.-С> и “Чехарда” <«Поповская чехарда и приходская прихоть» — А. Н.-С. <...> Сочувствие добрых и умных людей меня утешало. Вообще таковые находят, что я “защитил достоинство, не согласясь упомянуть о прощении”. Не знаю, как вы об этом посудите. Я просто поступил по неодолимому чувству гадливости, которая мучила мою душу во время его подлого и пошлого разговора, — и теперь не сожалею *ни мало*. Мне было бы нестерпимо, если бы я поступил иначе» (2, 187—189).

Писатель скорректировал принцип, высказанный Г. Р. Державиным в XVIII веке: *«И истину царям с улыбкой говорить»*. Лесков уверился на примерах своего многолетнего жизненного и писательского пути: «“Истины” пора говорить без улыбок, и это можно, а еще более — *это должно*» (XI, 576). За год до смерти — 22 февраля 1894 года — он писал С. Н. Терпигореву: «при каком-нибудь уважении к себе неглупый человек» не станет «хихикать» с властителем, а «поставит его просто на пристойное от себя расстояние» (XI, 576). В истории увольнения Лесков показал образец исполнения этого принципа. Так, он непреклонно отверг всякие компромиссы и «без улыбки» высказал в лицо министру «много горькой правды», поставив его «на пристойное от себя расстояние».

Говоря о Лескове пушкинскими стихами, *«Не в первый раз он тут явил / Души прямое благородство»*.

Туго натянутая струна лопнула. Быстро завертелись колесики обычно неповоротливой бюрократической машины, на этот раз мгновенно приведенной в движение рулевыми — «чертовыми куклами»: «9 февраля подписывается “определение” министра народного просвещения за № 1878, коим совершается “отчисление” Лескова от министерства, а 21 февраля приказом министра за № 2 оно закрепляется. Все просто: и без прошения, и без объяснения причин, и без рубля пенсии за двадцать лет беспорочной службы отечеству» (2, 190).

Этот возмутительный факт не остался без внимания прессы: «известие это “произвело некоторую сенсацию” <...>. Что же касается увольнения г. Лескова, то оно просто является каким-то вопросом и во многих возбуждает недоумение» (2, 191), — писали газеты. Поскольку дело получило широкий общественный резонанс, Лесков решил печатно разъяснить недоумения открытым письмом*: «Малозначительное событие — оставление мною службы в Ученом комитете Министерства народного просвещения неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частью проникли в печать и, как у вас сказано, “возбуждают недоумение”, которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства “без прошения” по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекала мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи.— Для оставления службы мне *не вменено никакой вины*, а указана только “несовместимость” моих литературных занятий с службою. Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а “без прошения”, тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все “недоумения” моих ближних и дальних друзей и недругов» (2, 191—192).

* Новости и Биржевая газета. — 1883. — 10 марта. — № 65.

Драматический разрыв государственно-служебных отношений — увольнение без прощения и без пенсии — Лесков воспринял как освобождение от утомительно тяжелой, унижительной, нетворческой, рутинной работы, с которой было покончено навсегда. Целиком и полностью писатель посвящает себя литературе, своему высокому призванию — художественной проповеди.

Спустя десять лет после увольнения в позднем рассказе «Административная грация (Zahme Dressur* в жандармской аранжировке)» (1893) Лесков описал «наши смрадные дни», когда «никуда не уйти от гримас и болячек родной политики» (IX, 388). Администраторы «грациозно» избавляются от неугодных служащих под теми или иными псевдо-благовидными предложениями.

Подобные отношения на чиновничьей службе были всегда и сохранились в их пакостной неизменности до настоящего времени. О чем и свидетельствует автор этих строк, также недавно отставленный с государственной службы в органе региональной власти — так называемом «Орловском областном Совете народных депутатов» — уже в XXI веке по всем приемам «административной грации» под видом «сокращения штата». Как и следовало ожидать, штат вскоре вновь был раздут до размеров больших, чем до сокращения. Набрали ложно-образованных, но «своих» — угодных и услужливых.

Фарисеям и «законникам разноглагольного закона» Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудононосимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13), — говорит Христос. Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову»**.

«Была бы душа в сборе да работали бы руки», — писал Лесков своему другу, киевскому профессору и историку Церкви Ф. А. Терновскому. Он был писателю «мил и близок по симпатиям и даже по несчастью»: «Оба мы были одинаково и одновременно оклеветаны и вышвырнуты из службы как люди “несомненно вредного направления”. История эта, подлая и возмутительная по своему гнусному и глупому составу, была тяжела для меня (и остается такою), а Филиппа Алексеевича она стерла с земли» (2, 273—274). Терновский был лишен кафедры в Киевской духовной академии, ему также угрожало увольнение из Киевского университета. Но смерть профессора в 1884 году опередила это «подлое и возмутительное» событие.

Известие о смерти Терновского, судьба которого была во многом схожа с лесковской: «Мы с ним одновременно понесли одинаковые гонения несправедливых людей, и я это перенес, или, кажется, будто перенес, а он, — с его удивительно философским отношением к жизни,— опочил... Пожалуй, не выдержал...» (2, 274),— подтвердило мысль писателя об отношении властей к честным людям в России. По этому поводу Лесков не раз цитировал строки пушкинского стихотворения: *«Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке!»* (2, 254)

* Мягкая, ручная дрессировка (нем.).

** Старец Силуан. Жизнь и поучения.— М.; Новокачаць; Минск, 1991.— С. 107—108.

Писатель продолжал переносить несправедливые нападки фарисеев, но до конца дней своих готов был служить Родине, насколько хватало сил.

Так, в «картинках с натуры» из жизни церковного «чиноначалия» «Мелочи архиерейской жизни» ставились задачи отнюдь не «мелкие»: вымести «сор из храма», призвать священнослужителей всецело соответствовать их высокому духовно-нравственному предназначению. Но для самого автора «Мелочи...» обернулись крупными проблемами и в его жизни сыграли свою фатальную роль.

Писатель и его книга подверглись настоящим гонениям. «Мелочи архиерейской жизни» явились одной из главных причин увольнения Лескова из Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1883 году. Год спустя книга была изъята из библиотек «по высочайшему повелению». В 1889 году, когда писатель узнал об аресте напечатанного без предварительной цензуры 6-го тома Собрания его сочинений, куда входили «Мелочи архиерейской жизни»*, он испытал первый приступ болезни сердца, оказавшейся впоследствии смертельной. По свидетельству сына Лескова, «экземпляры оторванной части шестого тома были отвезены в Главное управление по делам печати и там были сожжены» (2, 381).

Как мог вынести все это несправедливо гонимый писатель непостыдной совести? Неизменное утешение черпают изгнанники за имя Христово в антиномиях Нагорной проповеди: *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»; «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас»* (Мф. 5: 6; 10—12).

Евангельское обетование *«блаженств»*, уготованных Господом всем, кто словом и делом возвещает истину, духовно укрепляло Лескова. А *«пострадать за правду,— это в порядке вещей»* (X, 470),— сознавал писатель. *«Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны»*,— учит Святой Апостол Петр. И если кто-то *«пострадал как Христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь»* (1Пет. 4: 14; 16).

---

* Запрещенный цензурой 6-й том Собрания сочинений Лескова составили «Захудалый род», «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды», «Епархиальный суд», «Русское тайнобрачие», «Борьба за преобладание», «Райский змей», «Синодальные философы», «Бродяги духовного чина», «Сеничкин яд», «Приключение у Спаса в Наливках» (СПб., 1889). На этой книге из личной библиотеки писателя имеется особый лесковский шпемпель: «редкий экземпляр».

«ПОНЯТЬ, ЧТО РУССКИЙ ПО СУДЬБЕ...»

О творчестве Игоря Лукьянова

В новую книгу избранных стихотворений борисоглебца Игоря Лукьянова «По воле Бога и судьбы», вышедшую в Москве, в Издательском доме «Сказочная дорога», вошли произведения, публиковавшиеся ранее в журналах «Аврора», «Подъем», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Приокские зори» и других изданиях.

Разумеется, любая подобная публикация — своеобразный «знак качества» для поэта. Но понятно и то, что читательская аудитория слишком разнообразна, и поэтические пристрастия у всех различные. Да что там читательская аудитория! Даже по отношению к жизни мы все — разные, и Лукьянов остро это осознает:

*Одному бы
Сдаться на потребу
Всех земных пороков
и страстей...
А другому —
Посмотреть бы в небо
С гулким криком
Русских журавлей...*

Во вступительном слове к сборнику, написанном Александром Лысковым, о поэзии Игоря Лукьянова сказано так: «В каждом стихотворении — ощущение космоса, вечности, Бога. Соотнесение с этими великими константами собственных человеческих мыслей, чувств и поступков». На мой взгляд, поэт Игорь Лукьянов именно таков.

Автору книги по душе гвалт грачей под мартовским небом, гремящий в овраге ручей, грусть метели за окном, родные поля, луга и леса. Лукьянов знает, где его корни, и гордится ими: «Я родился в рабоче-крестьянской стране // И воспитан на слове «товарищ». Нет, автор книги не склонен идеализировать прошлое. Но есть нечто важное для него, что не вычеркнуть из памяти. В ней возникает, например, привокзальный перрон его юности, с которого он видел, как «поезда гнала страна, уголь шел, летела нефть — грузы Родины великой»:

*Хоть и были
тюрьмы, зоны...
Сотрясалась
твердь перрона
Государственной стопой...*

На фоне всего радостного и светлого поэту вдвойне больно видеть «лизоблюдов, пройдох и рвачей», «ловкачей словес — лукавцев всех калибров», «воров и скоморохов», «ограбление ложью», «сверхпадение в цене на слова о душе, о добре, словно место им лишь в словаре». Он не может смириться с тем, что сегодня «нет и в помине души, есенинской болью пропетой», что повсюду «бесится песня чужая чужой похотливой крови». В стихотворении «Метро — 2003 год» он рассказывает, как «в проходе стольного метро» ползет спившийся десантник. «Ползет по грязи, как по полю», и грязь эта, увы, морального плана:

*Ползет солдат,
ползет к своим...
Своих — ни впереди,
ни сзади.*

«Жрет все святое потребленья молох...» Для Лукьянова бездуховность — одна из главных причин того, что «дымки отчизны покрывает мрак». К этой теме он возвращается снова и снова: «Душою общество скудеет, // Все смыслы к «бабкам» сведены».

В своем неприятии всевозможных жизненных перекосов поэт бывает ироничным. Но ирония эта — горькая:

*Доведут нас
эти «фейки,
Эти «хайпы»,
эти «лайки».
Покоримся этой фене
И залаем, как собаки...*

Взяв эпиграфом к одному из стихотворений бессмертные строки Александра Блока («В этот город торговли // Небеса не сойдут...»), Игорь Лукьянов утверждает:

*В черте
буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.*

Сердце поэта переполнено тревогой:

*Не попал под бревно,
под цистерну,
Что свалились
на душу мою,
Но зато угодил
под систему,
Где вольготно
жулью и ворью.
Распустились
сыны беззакония...
Государство
трещит по швам.
Казнокрад со свечой
к иконе,
Словно в офис,
проходит в храм...*

Понятие человеческого греха для Игоря Лукьянова — совсем не относительное, а вполне определенное. В стихотворении «Начнется война...» оно выглядит достаточно жутко:

*Начнется война,
И спалит нас
один крематорий.
Чистилища печь загудит,
от земли до небес.
И горя не будет...
Оно для кого-то ведь —
Горе.
Лишь вздыбится
Грех мировой,
Как обугленный лес.*

Поэт остро чувствует грань между вечным и сиюминутным, преходящим:

*Пред бездомьем
до смерти есенинским,
Пред хибарой,
где кончил Рубцов,
Что вы стоите
с вашими песнями,
Обладатели
вилл и дворцов?!*

В этом же русле Игорь Лукьянов размышляет и о своей работе — о поэтическом творчестве:

*К славе пробиваются
поэты —
Кто поэмой,
Кто строкой одной.
Остается
песней недопетой
Их судьба,
где времени в обрез.
Нет больших
и маленьких поэтов —
Есть поэты с небом
или без...*

Автор книги убежден: поэтическая Муза «нема без гласа Бога»:

*Перед белым храмом
на колени
Упаду я — русский человек.*

«Понять, что русский по судьбе» — эту цель поэт ставит как себе самому, так и своему читателю.

Несмотря на многие грустные строки сборника, на бескомпромиссные оценки поэтом негативных явлений жизни, я бы назвал новую книгу Игоря Лукьянова оптимистичной, жизнеутверждающей. Вспоминая «пацанов пятидесятых», восторгавших-

ся Котовским, Щорсом и Камо, которых поносят в наши дни «и толстопузый политолог, и ушлый кандидат наук», поэт уверен, что страна придет к праведной цели:

*Герой останется
героем.
Дерьмо останется
дерьмом.*

И совсем не случайно в стихотворении «Оптина Пустынь» звучит:

*...всею душой богомольца
Уверен в бессилии Зла,
Коль есть надо мною
под солнцем
Святые твои купола...*

Гражданственность — характерная черта всех предыдущих книг Игоря Лукьянова. В новом сборнике поэт вышел в новые слои мироощущения и раздумий о месте человека в жизни, о борьбе добра со злом, о кризисе духовности в современном мире. Книга «По воле Бога и судьбы» — яркий пример того, как поэт, пытаясь высказать себя, выражает думы и чаяния многих своих современников.

*Евгений Новичихин,
г. Воронеж.*

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск, Мурманская область)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЖЕНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ (о новых именах в поэзии Кольского Заполярья)

За истекшее десятилетие в поэзии Кольского Заполярья в полный голос заявили о себе представительницы прекрасного пола. Да, факт остается фактом, именно поэтессы, за редким исключением, составили молодую литературную, точнее, поэтическую, когорту Мурманской области. В большинстве своем они в разные годы принимали участие в нашем региональном форуме-фестивале «Капитан Грэй», где лучшие молодые литераторы получают рекомендации на поездку в Переделкино, на финальный этап Всероссийского межвузовского литературного форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева. А поскольку ваш покорный слуга с самого начала и по сей день входит в состав оргкомитета и жюри упомянутого фестиваля, то все это происходило на моих глазах и при моем непосредственном участии, что и дает мне право познакомить читателей нашего журнала с новыми именами в поэзии Кольского края.

Самое интересное и, пожалуй, главное в том, что все, о ком пойдет речь, отличаются ярко выраженной индивидуальностью, и либо уже обрели свой творческий почерк, либо находятся в поиске оного, следуя своим, не похожим на иные, путем. Практически у всех поэтесс уже есть увидевшие свет стихотворные сборники; их цельность и зрелость можно и нужно, наверное, обсуждать, но так или иначе они существуют, как результат творчества, а значит у авторов имеется поле деятельности для развития и совершенствования поэтического дарования, что несомненно является главным результатом издания этих книг. А в нескольких конкретных случаях изданные книги послужили основанием для принятия авторов в Союз писателей России. И сие, согласитесь, уже конкретный результат литературного труда, хоть, безусловно, и ни в коем случае не самоцель. Итак, довольно преамбул, начнем знакомиться с конкретными, несомненно одаренными моими коллегами.

Елена Захарова (г. Североморск)

Елена Олеговна Захарова, по образованию учитель истории и обществознания, несколько лет проработала по специальности, и вот уже девятый год трудится на ниве профессиональной журналистики в муниципальной газете «Североморские вести», сначала корреспондентом, а ныне выпускающим редактором, является членом Союза

журналистов России, и в 2018 г. принята в Союз писателей России. В 2016 г. Елена стала обладателем Гран-при фестиваля-форума «Капитан Грэй», участвовала в финальном этапе «осиянного слова» в Переделкино, а через год выиграла грант губернатора области на издание поэтического сборника. Конечно, этому предшествовали и занятия в литобъединении «Зеленая гостиная», под руководством моих коллег: поэта Михаила Зверева, а позже Дмитрия Коржова, и неоднократные публикации в местной периодике, газетах, коллективных сборниках, альманахах. Как говорится в известном стихотворении М. Горького, «это многих славный путь», и Елена Захарова вполне логично и успешно его прошла. В 2018 г. в издательстве «Дроздов-на-Мурмане» увидел свет первый стихотворный сборник Елены «Плакать нельзя».

*Плакать нельзя. Только как же ей справиться?
Дочке надежду не дарят врачи.
Нужно обнять, обещать, что поправится.
И улыбнуться. И куклу вручить...*

*...Ночь напролет он проплакал, как маленький:
Завтра жену из роддома встречать
Будет одну... Надо взять ее за руки.
Лучше — за плечи обнять. И молчать...*

*...Утром привычно она управляется,
Ловко меняя под мужем белье.
Он неподвижен. Она не ломается.
Только худеет. Но слезы не льет.*

*Все это — не о железном характере.
В черное горе, как в пропасть, скользя,
Глядя в глаза угасающей матери,
Сын улыбается. Плакать нельзя...*

Если бы я не впервые писал о Елене Захаровой на страницах журнала, то обязательно привел бы в качестве поэтического примера другое стихотворение. Почему? Да потому, что творческий мир моей коллеги очень широк и разнообразен, и не исчерпывается лишь трагическими жизненными коллизиями. Да, не скрою, стихи Елены порой напоминают мне сжатую пружину, которая не выстрелит в одно мгновение, вдруг, но будет неуклонно разжиматься и разжиматься, наперекор предлагаемым обстоятельствам. Вообще, лирическая героиня Захаровой интересна уже тем, что является собой человека с очень сильным характером, с внутренним стержнем, живущего с несомненным, и вполне осозанным смыслом, но при все этом очень женственную и нежную натуру, с открытой и щедрой душой. А ведь именно эти качества и присущи испокон веков нашим русским женщинам, матерям, женам, боевым подругам. Читая сборник «Плакать нельзя», ваш покорный слуга точно вновь открывал для себя уже казалось бы давно знакомого автора, проникаясь глубоким уважением и к жизненной позиции Елены, и к ее творчеству, на которое несомненное влияние оказала и журналистская практика, ибо в стихах Захаровой присутствует некая «репортажность», но не в структурном, композиционном плане, как, например, у Юрия Визбора, а в плане интонационном и смысловом. Эмоции и мысли автор выражает очень точно, лаконично, прямо, она прекрасно знает то, о чем говорит, она это прочувствовала и пережила, пропустила через себя и сомнений в изложенном на бумаге у нее

нет. То есть автор отвечает за каждое сказанное слово и понимает, зачем он сие написал. Такая уверенность, конечно же, придает стихам весьма осязаемую декларативность и даже порой лапидарность, рождающую аналогию со стихами, как ни странно, Арсения Тарковского, но... это нынешний творческий почерк и стиль Елены Захаровой, и даже на первый взгляд безобидно начинающаяся «Считалочка» вдруг обрывается весьма жестко: «Расплодились мелочи, // Съели вечера... // Девочка-припевочка, // Кончилась игра». Но все-таки, хоть «Эти строки не о любви, // Не о дрожи в коленях слабых...», поэзия Елены Захаровой наполнена тонким внутренним лиризмом, в коем живет надежда на свет, тепло, любовь и доброту. На мой взгляд, такая надежда присуща ей и в жизни, и она — залог дальнейшего творческого роста Елены. Потому что на самом деле «плакать можно и даже иногда нужно», и в мире подлунном не все столь однозначно и четко установлено, а напротив, порой столь запутанно, что одной, даже поэтической, декларацией, увы, обойтись не удастся. Остается лишь пожелать очень перспективной поэтессе развития и совершенствования своего дарования, и ожидать ее новых стихотворений и книг.

Елена Штурнева (г. Апатиты)

Елена Викторовна Штурнева — по образованию филолог, работает учителем словесности в школе № 3 г. Апатиты. Победитель литературного конкурса «Северная звезда» — 2009, ежегодно проводящегося журналом «Север» (г. Петрозаводск), лауреат первого регионального форума-фестиваля «Капитан Грэй» (г. Оленегорск, 2011 г.). Стихи публиковались в газете «Мурманский вестник», журнале «Север», коллективном сборнике «МурманЛит off-line». В 2012 г. в г. Мурманске, в издательстве «Опимах», увидел свет первый сборник стихотворений Елены «Ангел Вася».

*Ангел Вася обитал в сторожке,
Был он рыж, космат, нездешне грустен.
Из осины резал Вася ложки,
А детей искал, как водится, в капусте.*

*Ведро звонко на заре гремели,
И воды колодезной прохлада
Обжигала. И пичуги пели:
Доносились голоса из сада.*

*Время приходило — на окошке
В треснувшем стакане лук сажать
И вздыхать о лесе, о лукошке.
Думал Вася: «То-то благодать!».*

*Он с ежом здоровался колючим,
С пчелами и мухами дружил.
Что зазря жалеть о неминуем:
Как дышал неслышно, так и жил.*

*Топал потихоньку по своей дорожке,
Говорил себе: «Ты, Вася, того — держись...».
Под окошком промелькнула кошка,
Быстрая, как жизнь.*

Тонкая наблюдательность и точность поэтики, порой очень неожиданной (кошка, быстрая, как жизнь!), характерны для Елены Штурневой. Содержание ее стихотворений раскрывается в глубину, донося до нас, посредством оригинальных образов, поэтапный смысл и некрикливую, но весьма оправданную содержанием эмоциональность, во многом обусловленную своеобразным ассоциативным мышлением автора. Именно поэтому Елена иногда очень немногословна, однако же подобная краткость более чем оправдана: «Стучат во тьме молоточки, // Но счастливые крепко спят. // Вместо вишневого сада — // Вишневый ад». Вот так, все страсти, все переживания, все драмы, где-то внутри, но они только сильнее и значимее именно оттого, что с виду все практически безоблачно. И казалось бы сама лирическая героиня Штурневой противится их проявлению, точно вовсе не желая об этом говорить, погружаясь в молчание, которое куда красноречивее самого истошного крика: «Есть, что терять, и есть, куда спешить, // кому молиться и о ком — молить, // о ком молчать, покуда хватит сил. // Кричат стихи? Кто их кричать просил?».

Подобная сдержанность не только одно из воплощений чувства собственного достоинства, но и следствие уважения Елены Штурневой к окружающим ее людям, как к родным и близким, так и к широкому кругу читателей, в сочетании с глубокой поэтической искренностью, и являют нам этот уникальный авторский стиль, когда «...там всхлипывают ночью поезда...», когда драматическое начало некоего явления в стихотворении рождается будто бы спонтанно, само собой, оно естественно и всегда, наверное, присутствовало в мире, а Елена лишь демонстрирует нам тот угол зрения, под которым скрытое становится явным. Мало того, еще одна отличительная особенность Елены Штурневой, и в творчестве, и в обычной жизни, это умение слушать и слышать: себя, близких, посторонних, окружающий мир. И оттого в свою очередь быть услышанной. А подобное, согласитесь, доступно далеко не всем. А пока: «Будем пряники жевать, пить водицу. // Жизнь любая — пока живы — сгодится. // Сядем, выпьем, помолчим на дорожку. // Ведь не вечно помирать понарошку». И нет никакой «обыденной жизни», есть просто жизнь человеческая, одна-единственная, неповторимая, и в этом ее самая главная ценность и самая главная трагедия. И стихи Елены Штурневой напоминают нам об этом.

Очень бы хотелось, чтобы в скором времени новая книга стихов моей коллеги увидела свет. Наверняка, Елене есть чем еще поделиться с читателем. Был бы так же очень рад видеть талантливую поэтессу в рядах Союза писателей России. Именно этого я и желаю Елене Штурневой. И верю, что все обязательно сбудется.

Анастасия Герасенко (г. Североморск)

Анастасия Александровна Герасенко закончила Санкт-Петербургскую академию культуры, с 1989 г. работает в библиотеках г. Североморска. Стихи пишет с 2005 года, участница уже упоминавшегося выше литературного объединения «Зеленая гостиная», публиковалась в городской литературной периодике, автор двух поэтических сборников, «Негромкий разговор» и «Попытка осмысления», а также сборника мемуарной прозы «Маячки памяти». Участвовала в фестивале-форуме «Капитан Грэй», член Мурманской областной организации Союза писателей России. Серьезно занимается живописью, член Североморского городского Союза художников. Работы Анастасии находятся в фондах Мурманского областного художественного музея и Североморского музейно-выставочного комплекса.

*Библиотека на краю земли.
А дальше — лишь простор оледенелый.
Гаражных крыши зубчатых контур белый,
Леса, болота, горы — там, вдали.*

*И веет бесприютностью такой,
Что кажется, кончается планета
За кругом теплым ласкового света.
Окно мерцает желтою звездой.*

*Окно мерцает, обещая всем покой,
Приют, уют, защиту от мороза,
От одиночества. Здесь ждут стихи и прозу,
И шелестят страницы под рукой.*

*Кораблик маленький. Наш каменный ковчег,
Везущий груз бумажных пассажиров.
Зима вокруг. Но мы пока что живы.
Окно мерцает сквозь летящий снег.*

Обращение художника Анастасии Герасенко к поэтическому, и вообще, к литературному творчеству вполне логично и обоснованно. Да и стихотворения ее в большинстве своем сродни картинам, и написаны именно в жанре пейзажной лирики, точно краски и образы перенесены с холста на бумагу и воплощены словесно, очень задумчиво, точно вполголоса, чтобы не разрушить хрупкое изображение, не спугнуть вдруг появившееся впечатление, эмоцию, мысль. Такой стиль характерен для Анастасии — женщины, тонко улавливающей интонации времени и пространства. Ну, что же, не всем и не всегда писать «на разрыв аорты» и жечь глаголом все и всех подряд. «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха...». А тихая лирика не терпит фальши, «сделанности», и фальшивить, показушничать не позволяет.

Надо заметить, что стихи Анастасии Герасенко зачастую очень предметны, для них характерна «привязанность» к конкретному объекту, и даже к конкретному городу, и оттого пейзажи, по большей части, городские. Вообще, в творчестве Анастасии обозначены три главных для нее города: Санкт-Петербург: «Мой земноводный город, // Река, дожди, туман // И строгих декораций // Возвышенный обман»; Севастополь: «Нас утром будят криками стрижи. // А вечер здесь таинственен и краток. // Здесь воздух сладок. И на всем лежит // Прошедших лет незримый отпечаток»; Североморск: «Как хорошо и как печально // На этой площади пустынной. // Покрывшись изморозью ранней, // Деревья у музея стынют». Причем первым двум городам даже отдано некоторое предпочтение. Однако же, на мой взгляд, главную ценность для нее представляет все-таки семья, и в жизни, и в творчестве. Семья для Анастасии — это история, наследственность, преемственность поколений, неразрывная связь с прошлым и источник надежды на лучшее будущее. «Что я могу? Могу я сохранить // О жизни их неспешную беседу // И протянуть невидимую нить // От деда к внуку и от внука к деду».

У художника Анастасии Герасенко несомненно есть перспективы творческого роста и на поэтическом поприще. Есть над чем работать и что совершенствовать. Остается лишь идти вперед, не спеша, но и не останавливаясь, также вдумчиво и основательно, как было и доселе, и тогда все задуманное обязательно воплотится в стихах, да и в жизни.

Мария Олейник (г. Североморск)

Мария Анатольевна Олейник — профессиональный журналист, но в поэзии и авторской песне нашла себя гораздо раньше, с ранней юности. Авторская песня, пожалуй, стала изначальным этапом осознанного творчества Марии, очень одаренной, кроме всего прочего, музыкально и обладающей прекрасными вокальными данными. Ей, вообще говоря, по-хорошему повезло, что она сразу попала в мощную бардовскую команду — Мурманский Клуб Авторской песни «5 Углов», где прошла хорошую школу, очень выросла творчески и вполне логично стала писать собственные стихи и песни. Мария неоднократно становилась лауреатом и дипломантом фестивалей авторской песни различного уровня, и теперь, вполне логично, является одним из руководителей Клуба Авторской песни «Бухта Надежд» у себя в Североморске. Мария Олейник автор сборника стихов «Не-царевна-жаба».

*Кто бережет тебя? Твой мир и сон.
Кто черной кошкой бродит у порога
И отгоняет тени от окон?
Кто не оставит вахты раньше срока.*

*Кто бережет тебя? Кто сердцем врос
В тебя, как в землю ель пускает корни.
Кто, став сильнее, становится покорней.
Хранит от яви сад счастливых грез.*

*Кто бережет тебя? Взгляни вокруг.
Кто потакает слабостям — не друг.*

*Но сохранить тебя, не спрятав в клетку,—
Бесценный дар, встречающийся редко...*

*Пусть сотни глаз манят тебя, любя.
Но есть ли тот, кто бережет тебя?*

О Марии Олейник можно с полным основанием сказать — «из молодых, да ранняя», и сказать безо всякого нарицания, то есть в смысле исключительно положительном. И в жизни, и в творчестве это яркая, неординарная, очень одаренная, артистичная и эффектная личность. Артистичность, но не нарочитая театральность, порой проявляется и в стихах Марии, причем частенько смешиваясь с юношеским задором, резкостью и остаточным эпатажем, что, впрочем, пока вполне естественно для молодого автора. Опять-таки, поскольку Мария реализует себя и на сцене, упомянутые эффекты практически неизбежны, ведь нужно не просто написать стихотворение либо песню, нужно еще и представить их должным образом, подать, что называется, как следует. «Напиться дай, разбитная столица! // Отравят реки, колодцы сухи. // Вода на наших с тобою ресницах — // Не дождь, не слезы, а просто стихи». И вместе с тем, Мария очень нежное и хрупкое создание, она, на мой взгляд, нуждается в точке опоры, в душевном отношении к себе, во взаимопонимании, и, конечно же, хочет жить в ладу с самой собой. Но и сама Мария также готова отдавать тепло своей души, стать для любимого опорой и спасти его от любых напастей. «Прижмись к моей руке // Тепло и беззаветно, // Как будто для тебя другой защиты нет. // Прижмись к моей руке, не жди с небес ответа... // Прижмись к моей руке на много-много лет». Что ж,

такие строки лишь подтверждают органичность творческих и личных установок Марии Олейник и ее лирической героини, которая лет десять назад могла бы даже стать похожей на Пеппи-Длинный-Чулок, а ныне подкупающе искренна, нежна, но вместе с тем энергична и неожиданна.

Как человек, давно с Марией знакомый, смею утверждать, что подобный стиль и автору очень идет. К тому же отрадно, что Мария удачно совмещает поэзию и бардовское творчество, а ведь эти жанры, когда-то весьма и весьма близкие, сегодня зачастую даже могут находиться в известной конфронтации, и многие мои коллеги-поэты на дух не переносят песни авторов-исполнителей, и на то имеются довольно веские основания. Но сие не касается Марии Олейник, обладающей прекрасным литературным вкусом и творческой интуицией, помогающими ей идти вперед своим, интересным и оригинальным, маршрутом. У Марии еще все впереди, и новые стихи, и книги, и песни. И в этом, как мне кажется, ее главное на сегодняшний день преимущество.

Дарья Высоцкая (г. Мурманск)

Дарья Николаевна Высоцкая имеет два высших образования: экономическое и юридическое. Участвовала в фестивале-форуме «Капитан Грэй», с 2016 г. является его директором. В 2017 г. стала лауреатом областной премии для молодых литераторов им. К. Баева и А. Подстаницкого. Также она лауреат премии Ассоциации творческих союзов, в номинации «Литература, лига молодых», за яркое поэтическое начало и актуальную общественную деятельность (2018 г.). Участник проекта Андрея Орловского «Живые поэты». Организатор литературных мероприятий, в частности, автор идеи и голос проекта «Стихогения». Дарья Высоцкая — член Союза писателей России и автор двух поэтических сборников: «Будь на моей стороне» и «Русалка на берегу».

*В этих поисках новых пространств,
рынков сбыта и вечных истин,
я, сменивший пятнадцать стран,
стал совсем без тебя немислим.*

*Я, бежавший так подло от
обязательств и слова «должен»,
стал не нужный тебе идиот,
чемодан без ручек и ножек.*

*Я, в наклейках для багажа,
нарезаю круги по ленте
и молюсь Иисусу и Джа,
Кришине, Шиве, богине Весте,*

*лишь о том, чтоб к твоей двери
чемодан без ручек и ножек,
аккуратно сложив, привезли,
ты увидишь и скажешь: «А может,*

*ты все понял, устал». Теперь
все починишь, но постоянство*

*снова гонит меня за дверь:
чемодан придуман для странствий.*

Поэтический путь Дарьи Высоцкой складывается не просто, его нельзя назвать гладким и прямым. Но это ее путь, он, как известно, у каждого свой, и каждому приходится «следовать своим курсом». В стихах Дарьи до известной степени чувствуется определенное влияние поэтического интернет-сообщества и молодежной, стихийно организованной, массовой поэзии, если можно так выразиться, ведь сегодня есть немало «площадок», где молодым людям предоставляется возможность реализовать себя в некоем подобии поэтического творчества, что, впрочем, отнюдь не служит препятствием для появления по-настоящему одаренных личностей. Прежде всего поэзия Дарьи Высоцкой предельно откровенна, автор не стремится вуалировать свои глубинные эмоции; и пусть порой ее искренность «вихраста и не причесанна», это на данный момент лишь издержки стиля и вопрос совершенствования творческого мастерства. «Только не говори, что любовь, словно в шторм причал, // а нелюбящим — вечный дрейф и печаль, // что любовь в основе основ, в начале начал — // я поверила бы, если б каждый о ней молчал». Очень не тривиальное заявление, если учесть, что лирическая героиня Дарьи находится в постоянном диалоге, ей просто необходим собеседник, пусть даже и не присутствующий в данный момент материально, и не просто оппонент в разговоре, и не безучастный слушатель, но предельно близкий человек ее пространства-времени, связь с которым сокровенна и сердечна. Однако и в таком случае суть не в пустых разговорах, но в душевном контакте, а порой и в сокровенном молчании, которое куда красноречивее любых словесных излияний, даже на расстоянии. Главное — чувствовать человека и знать, что тебя тоже чувствуют, видят, почти осязают. «Это для всех я — блестящая сталь, // а для тебя — лишь хрупкий хрусталь, // и осколки мои — тебе в сердце, мой маленький Кай». А когда собеседника такого нет, когда «Или-или, еле-еле, // мы с тобой друг друга съели...», тогда можно разговаривать с собой и о себе, и даже саму себя эпатировать. «Мне бы только ночей не спать, // отравиться каким-нибудь ядом, // до утра на столах танцевать, // поражать всех своим нарядом // По сравнению со мной стрекоза — // обязательна и ответственна, // а я накрасила черным глаза // и общаюсь весьма непосредственно». Очень милый и трогательный эпатаж, не правда ли? Такие строки вызывают симпатию и солидарность. В стихах Дарьи Высоцкой зачастую сквозит одиночество, но не претензия на оное, и все отчаянные ее желания — обратная сторона душевной не растраченности и чуткого сердца, природного умения любить и переживать, и сопереживать, и дарить свои тепло, свет, нежность, и жертвовать ими в случае необходимости. Ничего особенного? В определенном смысле, да, если бы не дар Божий воплощать и отражать все это творчески. У блистательного Глеба Горбовского есть строка: «...Просто жил на свете, маялся как все». Только у настоящего поэта и «маяться как все» выходит наособицу. И творчество Дарьи Высоцкой еще одно тому подтверждение.

Юлия Колмогорова (г. Североморск)

Юлия Александровна Колмогорова, как и многие ее коллеги по поэтическому цеху, закончила Мурманский Государственный Педагогический университет. Стихи пишет с ранней юности. Дипломант Областного фестиваля авторской песни и литературы малых форм «Капитан Грей». Дипломант III Всероссийского фестиваля православной песни и поэзии «Под сенью Трифона». Участница литературного форума им. Н. С. Гумилева «Осиянное слово» в Переделкино. Публиковалась в сборнике «Зеленая гостиная», газете «Североморские вести».

*Сотни домов под озябшими крышами
Воздуха просят ртами оконными.
Хочется крикнуть — да так, чтоб услышали,
Чтобы поверили, чтобы запомнили.*

*Каждое слово чтоб было как исповедь,
Чтобы — до слез, до сердечного трепета.
Доброе — славить, а гиблое — высмеять.
Чтобы не стыдно было на свете том.*

*Не докричаться до человека мне,
Сила была — да как будто и вышла вся.
Снова иду я к Небесному Лекарю,
Чтобы мой голос окреп и услышался...*

В жизни и творчестве Юлии Колмогоровой органично сочетаются поэзия и фотография, коими она не просто увлечена, но занимается очень и очень серьезно. И в ее стихах фотографическая точность и отчетливость переплетается с тонкой поэтичностью образов. А еще Юлия очень светлый, искренне православный человек, чуждый какой бы то ни было агрессии, моральной экспансии, ей свойственны такт и доброжелательность в общении, она предпочитает слушать и наблюдать, нежели декларировать и владеть чьим-нибудь вниманием, и, конечно, для нее крайне важно разобратся прежде всего в самой себе, определиться со своими эмоциями и переживаниями, с отношением к окружающему миру, к людям, в нем живущим. Рефлексия? Если хотите, да, но лишенная негатива, коим это понятие наполнено в общепринятом толковании, напротив — полная искреннего желания познать и саму себя, и людей, и многообразие жизни. «Мой лифт не плох, красив и светел, // Вполне хватает воды и хлеба. // И вроде можно жить на свете, // Но ведь отсюда не видно неба...». Проблема выбора жизненной позиции и ежедневно нами совершаемого морально-нравственного выбора перед художником всегда встает крайне обостренно, образ жизни и образ действия это для него еще и предмет постоянного исследования, анализа, ибо иначе и синтезировать, создавать будет нечего и не из чего. «Там, внутри, несущи багаж ошибок, // И грехов-то — Господи, прости... // Преду мной стоит нелегкий выбор: // Жалко бросить, тяжело нести». Юлия Колмогорова очень бережно относится и к пережитому, к прошедшему, но отнюдь не ушедшему бесследно, и к будущему, к возможному, к вполне достижимому. И даже весьма абстрактное «счастье» оказывается можно приветить и приласкать, словно котенка. «Чтобы оно задержалось подольше, // В блюдце с каемкой налью молока. // Счастье уткнется мне носом в ладошку, // И замурчит у меня на руках». И вдруг оказывается, что есть «У счастья особый пленительный запах // Солнца и моря, и дальних дорог». А ведь это явные приметы чистоты, свежести и обновления. И во многом ориентиры Юлии Колмогоровой и в творчестве, и в жизни. Что же касается ее дальнейшего поэтического роста, то Юлии просто необходимо издание первого сборника стихов. Это событие, убежден, очень помогло бы ей в плане совершенствования своего дарования, ведь первая книга помогает автору взглянуть на свое творчество со стороны, увидеть то, что прежде было от него сокрыто, в том числе и всем известной авторской слепотой. Я от души желаю Юлии Колмогоровой выхода первого сборника стихов и дальнейшего плодотворного творчества. И пусть ей предстоит на этом поприще «сделать больше, чем сделано»...

В своем кратком экскурсе я намеренно постарался уделить внимание сильным сторонам творчества моих коллег, их несомненным поэтическим и человеческим

достоинствам, и, столь же намеренно, не стал, что называется, наводить критику и говорить о каких-либо недостатках. Во-первых, это выходит за рамки моего повествования, а во-вторых... В одной из книг известного в свое время художника-карикатуриста Иосифа Игина описан такой случай: «В Театре эстрады проходили отборочные просмотры новых номеров. Актеры, особенно молодые, буквально трепетали перед грозным председателем жюри Н. П. Смирновым-Сокольским. Зато присутствие Л. О. Утесова успокаивало выступающих. Они всегда надеялись на его поддержку. Актер Н. показал интересный, но не вполне доработанный номер. Мнения жюри разделились. Ждали, что скажет Сокольский. Лицо Николая Павловича не предвещало ничего хорошего. Вдруг раздался голос Утесова.— Коля,— сказал он,— не надо ругать. Ты давно уже заслужил право хвалить. Сокольский улыбнулся. После небольшой доработки номер актера Н. был принят и шел с большим успехом». (И. И. Игин. «О людях, которых я рисовал» (Шаржи и рассказы) М: Сов. Россия, 1966.— 134 с.). Не знаю, заслужил ли аз грешный такое право, но в данном случае мне очень хотелось им воспользоваться, что я и сделал. Поэтому читайте стихи поэта Кольского Заполярья, дамы и господа, и судите о них сами. Исполать Вам, дорогие читатели.

Валентин Огнев
(г. Щекино)

НЕПУТЕВЫЙ

Наш постоянный автор.

Пьянство и алкоголизм относятся к числу негативных социальных явлений общества. Опасность алкоголизации заключается в снижении уровня культуры общества и отдельных граждан, вплоть до их социальной и психологической деградации, негативном влиянии на моральную атмосферу, трудовую дисциплину, профессиональные качества работников, их здоровье и работоспособность.

Определенный процент людей, злоупотребляющих хмельными напитками, существовал всегда. И именно то, как вели себя с пьяными, подтверждает, что пьянство было позором. С этим позорным проявлением постоянно велась борьба.

Распространенным стереотипом является представление о купеческих мужчинах как людях сильно пьющих. Безусловно, во многом это опиралось на реальные факты. Пристрастие отдельных персон к алкоголю в купеческой среде формировала как традиция отмечать заключение важных сделок за столом, так и крайняя скудость видов досуга в провинции. Конечно, на это явление влияли и другие факторы.

Как боролись с пьянством в конце 18 века в купеческом сословии покажем на примере уездного города Ефремова.

В городе проживали купцы Поминовы. Главой семейства являлся Степан Филиппович, 1732 года рождения. Его жена Агафья Андреевна в возрасте 56 лет умерла в 1793 году. Во время совместной жизни у них родились три сына и четыре дочери. На 1795 год дочери были выданы замуж. Старший сын Степана Филипповича Федор жил и вел купеческое дело отдельно от отца. Он проживал с женой, четырьмя сыновьями и дочерью. Совместно с отцом проживали женатые сыновья: Алексей, 1767 года рождения, и младший Яков с сыном и двумя дочерьми.

На первый взгляд это была обычная купеческая семья. Степан Филиппович вел купеческое дело. На 1795 год объявлял капитал в 1010 рублей, а чтобы продолжать относиться к купеческой гильдии, на 1796 год объявил капитал в две тысячи пять рублей. Не отставал от отца старший сын Федор, который на 1796 год объявил капитал, как и отец, в две тысячи пять рублей. Федор был женат на Анне Ивановне, отпущенной на волю дворовой девке ефремовского помещика Писемского. Средний сын Алексей взял в жены Аксинью Ионовну, дочь ефремовского купца Морозова. Яков был женат на Авдотье Федоровне дочери ефремовского мещанина Карцова.

Пристроены были и дочери Степана Филипповича. Акулина была выдана замуж за ефремовского мещанина Дмитриева Федора, Анна в Боровский округ Ребченской Слободы за экономического крестьянина Гаврилу Аксенова. Ефремовский

мещанин Андрей Райский женился на Аграфене, а московский купец Васильев Семен на Ирине.

Но семья Поминовых в городе числилась необычной, она длительное время постоянно была на устах жителей. Повод этому давал средний сын Поминовых — Алексей. Он рано начал злоупотреблять спиртными напитками. Это было большой бедой для семьи. На беседы родителей он не обращал внимания, а наоборот, когда младшая сестра проживала в семье, в пьяном виде издевался над ней, избивал ее. Это происходило неоднократно. За эти хулиганские действия Алексея не раз помещали в ефремовскую тюремную избу. Во время нахождения в Тамбовском наместничестве Алексей также подвергнулся аресту и лишению свободы.

Среди ефремовского купечества и мещанства Алексей считался пьяницей, драчуном «и больше в году пьян, недели трезв бывает, а по торгам верности не соблюдает» и совсем с ними не считался.

Несмотря на содержания в тюремной избе, Поминов Алексей по выходу продолжал пьянствовать, вести разгульный образ жизни. К нему домой приезжали неизвестные лица, с которыми он распивал спиртные напитки и часто в ночное время вместе с ними покидал город.

И вот после очередной отсидки в тюремном замке Алексей совершает кражу, с телеги мещанина Карасева похищает колеса. Купечество и мещанство города Ефремова возмущено не прекращающимся недостойным поведением Поминова.

По предложению Ефремовского Городского головы (устар. Градской глава, голова) Абрама Кондратьевича Клюкина, они в городском магистрате проводят собрание с рассмотрением вопроса о поведении Поминова Алексея и дальнейшей его судьбы в силу именного его Императорского Величества Указа от 22 августа 1797 года. Собрание постановило за недостойное поведение, порочащее купечество, Поминова Алексея Степановича исключить из купеческого сословия и по годности к воинской службе отдать его в рекруты с зачетом в будущий набор.

Зная поведение Алексея, и чтобы он не скрылся от отправки в рекруты, было решено его задержать, «...он, Поминов, пойман был и посажен в цепь». Содержался задержанный в помещении Городского магистрата.

В дальнейшем Городской голова Абрам Клюкин пришел в магистрат для отправки в рекруты Поминова Алексея. Там находились и выделенные сторожа, которые охраняли ограниченного в свободе хулигана. Подошли в магистрат и отец задержанного Степан Филиппович и брат Федор. Так как путь до Тулы был далекий, зная характер Алексея и чтобы не допустить его побег, было решено заковать ему ноги. Но и здесь Алексей проявил свой нрав. Он не допускал к себе сторожей заковать ноги, надеясь на помощь пришедших к нему отца его Степана и брата Федора Поминовых. «С великою азартностью бранил сторожей», хотел стулом с цепью ударить Городского голову. Передвигаясь по комнате, Алексей неожиданно выпрыгнул из помещения в окно и убежал в здание полиции.

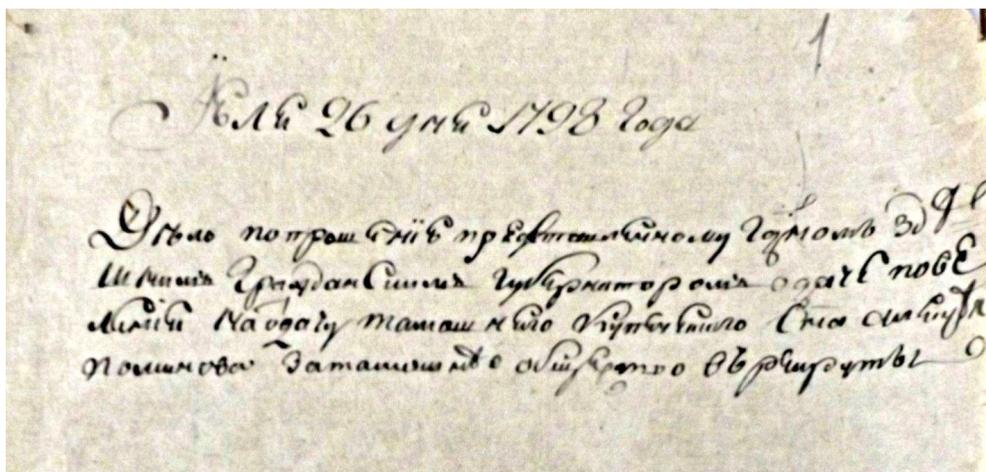
Охранники побежали за Поминовым Алексеем в полицию. Зайдя в помещение, они попытались задержать Алексея. Не выяснив обстоятельства дела, помощник-регистратор Иван Скашин, защищая Поминова, одного из сторожей — Кондрата Ганьшина начал бить по щекам. Пришедший в полицию Абрам Клюкин разъяснил сложившуюся ситуацию, и Поминова в полиции заковали. Но он продолжал Клюкину угрожать. Также высказывался о том, что при возвращении его городскому обществу городу будет плохо.

Поминова Алексея отвезли в губернский город Тулу. Но решения о его направлении в рекруты не было принято, и его возвратили обратно в город Ефремов.

Купеческое общество не согласилось с решением губернского начальства. И они

вновь пишут прошение, в котором указывают, что отказываются принять Поминова Алексея в купеческое общество за его хулиганское поведение и пьянство. Поручаться за него они не желали. Выступили со своими претензиями и мещане. Об этом высказались и подписали прошение о принятии мер к Поминову Алексею 30 человек из мещанского сословия.

Городской голова Абрам Ключкин составил покорнейшее прошение Его Превосходительству действительному статному советнику Тульской губернии, Гражданскому Губернатору и кавалеру Николаю Даниловичу Граве. В прошении указывалось о пьянстве Поминова Алексея, о недостойном его поведении в семье, о его хулиганских действиях и преступлениях, о принятых мерах в отношении Алексея. Также в прошении было отражено негативное отношение ефремовского общества к Поминову. Купечество города уже было согласно, что при отправке Алексея в рекруты защитить его не за рекрута, а за половину рекрута будущего набора «или куда соблагovolите сослать, что доставите обществу Ефремовскому безопасность». Можно предположить, что противоправные действия Поминова Алексея довели купечество и мещан города Ефремова до «точки кипения», грубо попирали устойчивость традиционных общественных установок. Прошение 15 июля 1798 года было направлено губернатору.

Фрагмент дела

Документы Ефремовского городского головы в Тульском губернском правлении были рассмотрены 26 июля 1798 года. Губернатор дал ответ на прошение. В ответе он разъяснял о правильном и законном оформлении документов для решения вопросов в отношении купеческого сына Поминова. В разъяснении говорилось, что в губернское правление было прислано прошение и решение купеческого общества об исключении Пименова из сословия. Но в городе Ефремове существовал свой магистрат и на основании решения местного купечества он должен был издать Указ об исключении Пименова из купечества за недостойное поведение. Только после этого, на основании его Императорского Величества Указа от 22 августа 1797 года, отправлять Поминова Алексея в рекруты. А если он по каким-то причинам не пригоден для направления в рекруты, то с ним принимать меры по законодательству, возложенному на магистрат.

Таким образом сложившиеся обстоятельства с пьяницей и хулиганом Поминовым должны были разрешиться в Ефремове. Как они разрешались, сейчас мы не мо-

жем сказать, т. к. это не описано в изученных источниках. Но из других известных документов усматривается, что Алексей исчез из поля зрения жителей города. В сообществах купечества и мещан он не значился.

Вот таким был ефремовский купеческий сын Алексей Степанович Поминов, как сегодня сказали бы,— непутевым. А мне все-таки хочется верить, что, уехав из города Ефремов, Алексей бросил пить. Думаю, он и его жена прожили долгую и счастливую жизнь. И никто и никогда из окружавших его людей не мог даже и подумать, что этот уважаемый в обществе человек — Алексей Степанович Поменов когда-то очень сильно выпивал, вел антиобщественный образ жизни, т. е. был непутевым парнем.

Публикация подготовлена по материалам Государственного архива Тульской области.

**К ДЕСЯТИЛЕТИЮ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»
ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

И «КОВЧЕГ» ПЛЫВЕТ...

Приветствие к выходу в свет десятого юбилейного номера альманаха «Ковчег»

Нас было много на челне...
А. С. Пушкин

Нас много — тех, кто однажды ступили на борт «Ковчеха», как на палубу яхты, сняв обувь. И ни один не плюнет под ноги, не затопчет окурка. Нас много, тех, кто ныл в плавание. Тех, кто вышел в море, вверив судьбу свою Всевышнему.

Каждый номер альманаха на форзацах своих содержит фотографии авторов. Как бы смотр экипажа, выстроенного во фронт при подъеме по трапу его превосходительства читателя. Я иногда всматриваюсь в лица команды: «А почему все здесь?» Люди разных поколений, мужчины и женщины, земляки и уроженцы совсем дальних краев, гражданские и под погонами, застенчивые и подчеркнута артистичные, лукавые и серьезные, задумчивые и романтические... Не могу избавиться от ощущения, что у всех есть что-то общее во взгляде.

На вымпеле «Ковчеха» начертано: «Православие в наших душах». И трижды глуп будет тот, кто станет делить команду на «чистых» и «нечистых», определять степень, так сказать, православности каждого. Трижды глуп будет тот, кто станет в каждом стихотворении, рассказе, очерке искать куполов да свечечек. Не эмблемы, но дух православия объединяет авторов альманаха. А дух нашей веры издавна является благодатной основой всей жизни смиренного и смятенного, живущего своим мирком и рассеянного по лицу земли, богобоязненного и богоборческого, умиротворенного и ярящегося русского народа. Дух православия явил в нашем народе примеры непостижимой святости, самоотречения, верности долгу, героизма. Но сколь разнообразно на Руси проявление самых возвышенных черт! Полководцы не уступят молитвенникам, иноки становятся воинами, миряне уходят в затвор, юродивые идут в мир...

Нам ли, грешным, равняться с подвижниками? Мы всего лишь торим свою привычную тропу, длим обыденное бытование, изредка взлетая подранками на крыльях творчества... Но как тысячелетнее давление горных пород углерод прессует в алмаз, так под напором лет повседневная жизнь обычной семьи, теплящей огонек любви вопреки житейским бурям, простая и такая знакомая всем жизнь с ее радостями и горестями, с ее противостоянием соблазну, с ее сбережением друг друга обнаруживает со всей очевидностью суть православного духа. А человек, мыкающий дни свои в небогатом или даже скудном обиходе, но не теряющий облика человеческого... Такой человек не ближе ли к духу православия, чем причастные отправлению треб во храме, но остающиеся теплохладными? Тот, кто делится с ближним нажитым добром, тот, кто не забывает больных и сирых, тот, кто помогает узникам, тот следует духу православия. Так, может быть, и те, кто в меру скромных сил своих и талантов частичку сердца дарят читателям «Ковчеха», уже тем помогают утверждению духа православия, что не дают искре Божьей угаснуть в себе?

Хотелось бы здесь сказать, что авторы «Ковчеха» знают жизнь... Не совсем точно. Да, конечно, знают. Доподлинно. Житейский опыт трудно живущего нашего народа впитан ими самым сокровенным нутром, изведен на собственной шкуре. Только это не то знание, за которым отправляют в творческие командировки литераторов, засевших в башне из слоновой кости. Про «Ковчег» не скажешь: издание, повествующее о современности. Скорее, наоборот. Через авторов «Ковчеха» сама современность

менность обращается со словом правды к литераторам. Да не только к литераторам. Ко всем, кто от жизни прячется в разнообразных башнях (из слоновой ли они кости, из дурного ли «бабла», из чиновного ли чванства, из компьютерных сетей, из водочных бутылок или еще из чего...) И вот они, авторы «Ковчег», заветное свое слово доверчиво предлагают нам.

А слово, как известно,— великое дело. Особенно доброе слово. Кто-то словом врачует болезненный разлад в собственной душе. И только ради этого одного уже стоит братья за перо. Другой умеет словом согреть души близких людей, преодолеть разлад в семье, в дружеском кругу, среди сослуживцев. И это тоже важно. Иной незлым своим словом забавляет народ, и это тоже людям идет во благо, особенно когда смех не превращают в пустое зубоскальство, в ржание, в хрюканье, в вой. А кому-то дано сказать столь значимое слово, что отзовется оно благодарным эхом в родном народе, сплотит его, сделает сильнее, мудрее, выносливее. А кому-то предначертано свое слово адресовать всему человечеству, напомнить современникам о высоких и вечных истинах.

И каждое такое доброе слово надо искать. Ежедневно. Как приметливый старатель, промывать в лотке души своей мутные потоки льющихся в уши обывательских разговорчиков, выискивая среди грязи, сора и пустой породы золотые крупички. Как рачительный садовник, осматривать сыплющиеся на наши головы бесчисленные плоды из интернет-дендрария, не пропуская ни ядовитых зелепух, ни переспелок с подгнившими бочками. Как заботящийся о желудках своих столовников повар, тщательно смывать липкую слизь с лапши, наваренной на всю нашу страну в радио- и телекастрюлях, будь то постоянно пригорающие алюминиевые котлы казенного угодливого верноподданничества или импортные скороварки со склизким либеральным покрытием.

Упорным неотступным трудом даются человеку важные слова. Приветствуя выход юбилейного номера «Ковчег», хочется об этом напомнить всему экипажу. И пожелать долгого плавания. Может быть, посчастливится нам дождаться голубка со свежим листиком в клюве? Как знать...

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*

К ЮБИЛЕЮ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»

Уважаемые авторы и читатели, поздравляю вас с первым десятилетним юбилеем литературно-художественного альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори»!

Казалось бы, что десять лет — это мгновение с исторической точки зрения. Однако, с другой стороны, десятилетие — это огромный срок, за который было сделано очень многое.

За истекший период альманах стал одним из центров литературной жизни не только Тульской области, но и России, и стран ближнего зарубежья — Белоруссии, Украины и Казахстана, то есть де-факто стал всероссийским и международным, приобрел совершенно определенный облик и направление, вырос до серьезного издания. И с каждым годом становится все солиднее.

Он нацелен на определенную аудиторию, а именно на «своего читателя», который может понять дух и направление издания.

Это можно заметить и по его внешнему оформлению. На обложке изображен православный храм на берегу реки, заросшем кустарником и деревьями. Окружающая природа навеивает думы о бренности земной жизни, о православной вере. Для многих из нас очень важно, чтобы вера в Бога присутствовала в нашей жизни.

Необходимо сохранить веру и память. Они, как цемент, скрепляют нас в одно целое — русский народ! Для возрождения России необходимо возрождение русского национального самосознания, национальной идеи.

Альманах с самого начала задумывался как духовно цельное собрание произведений, где каждое дополняет и углубляет другие. Это литература о нашей жизни, в которой отражены психологические портреты наших современников, их взаимоотношения с обществом. Он отличается зрелостью, придает живую достоверность событиям, представленным в разнообразии проявлений и оттенков, ориентирован на высокие жизненные ценности: любовь, доброту, истину, красоту и патриотизм.

«Ковчег» издается в городе Туле с периодичностью один раз в год. Он довольно быстро встал на ноги и сумел собрать вокруг себя литературные силы.

Говорят, что «самые главные вещи — совсем не вещи». И это не только семья, любовь, дружба, а еще и творческое, интеллектуальное и духовное развитие. В альманахе мы находим и эту пищу для души и ума. Он заставляет задуматься о духовных ценностях, о смысле жизни, патриотизме, рассказывая о красоте земли, сердечных переживаниях, особенностях быта людей, их нравах и обычаях.

А чувство патриотизма многогранно: это и любовь к нашей великой Родине, гордость за нее, желание защитить и сохранить, приумножить славу и силу страны. Быть патриотом — значит ощущать себя неотъемлемой частью земли, на которой рожден и вырос.

Перелистывая страницы этого сборника, невольно восстанавливаешь в памяти всю историю создания и развития альманаха. В большинстве повествований чувствуется такая концентрация искреннего оптимизма, что беспрекословно начинаешь верить им.

У меня абсолютно нет никаких сомнений, что своей жизнеспособностью «Ковчег» обязан в первую очередь личности его главного редактора и составителя Якова Наумовича Шафрана — известного тульского поэта и прозаика, члена Академии российской литературы, члена Российского союза писателей, члена Союза писателей и переводчиков МГО СПР, лауреата всероссийских литературных премий и конкурсов. Его трудоспособность и энтузиазм лежат в основе издания альманаха, который выдержал, как мы видим сегодня, проверку временем. Большая роль в издании принадлежит зав. отделом прозы Крестьянкину Сергею Олеговичу и зав. отделом публицистики и литературоведения Алтуниной Людмиле Дмитриевне — известным тульским прозаикам, а также зав. отделом поэзии, известному поэту Тимохину Николаю Николаевичу из Семипалатинска (Казахстан) и бывшему зав. отделом поэзии, всероссийски известному поэту Резцову Владимиру Вадимовичу.

Десять лет они, неравнодушные и творческие люди, делали «Ковчег» все лучше и лучше. На его страницах публиковались и публикуются лучшие произведения литераторов России, Тульской области, ближнего и дальнего зарубежья.

Хорошая проза и поэзия всегда находят ключ к сердцу человека, надолго закрепляясь в его памяти.

Многим произведениям свойственна романтическая приподнятость и эмоциональная обостренность, которая придает им яркость, окрашенность и глубину.

Здесь много прекрасных стихотворений о любви, дружбе, природе, Родине, которые воспитывают в людях добрые чувства, помогают глубже познать и понять жизнь. Стихи искренние, щемящие, способные тронуть струны сердца, пропитанные очарованием, полнотой жизни. Живая энергия поэзии в них искренна и притягательна для человеческой души.

Поэзия — вечный, пронзительный и все проясняющий свет, песня души и сердца, сочетающая в себе силы всех четырех стихий. Она противостоит жестокости, злу и распаду.

«Прекрасный стих подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существа», — писал Анатолий Франс.

Часть стихотворений, напечатанных в альманахе, положена на музыку местными композиторами, и песни исполняются. Это соединение поэзии и музыки очень многогранно. Но у каждой песни своя судьба.

Я не хотел бы перечислять те или иные публикации. Их очень много! Главное состоит в позиции альманаха, который быстро обрел свое неповторимое лицо, освещая проблемы человеческой личности, общества, бытия. Без этого невозможна культурная жизнь, воспитывающая в людях уважение к окружающему миру, к прошлому и заботу о будущем.

В разные годы постоянными авторами альманаха стали Алексей Яшин, Валерий Ходулин, Виктор Пахомов, Валерий Маслов, Геннадий Маркин и многие другие писатели, поэты, публицисты, составляющие славу и гордость нашей тульской и российской словесности. Публикация их произведений на страницах «Ковчег» задавала высокую планку для развития альманаха.

«Ковчег» всегда был открыт и для молодых авторов. Приоритетным направлением альманаха являлось и сейчас является удовлетворение интересов читателей и самореализация авторов как творческих личностей.

И надо понимать, что имена писателей и поэтов остаются в памяти народной гораздо дольше, чем людей других профессий. Забываются фамилии политиков, руководителей, когда-то решавших судьбы сотен и тысяч людей. А писатели и поэты еще живут в своих произведениях, пока их читают люди.

На страницах альманаха публикуются материалы на различные темы, так что читатель всегда может найти для себя что-то интересное и познавательное: стихотворения и рассказы, миниатюры и эссе, сказки для детей. Здесь постоянно находят отражение все актуальные темы в области литературного творчества.

Эта возможность и серьезно поразмыслить, и улыбнуться, и погрузиться над текстом придает альманаху духовную полноту, объемность и многозначность.

В «Ковчеге» семь разделов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Литературоведение, литературная критика, рецензии», «Русское родословие», «О детях и для детей».

Альманах твердо стоит на позициях патриотизма, духовности, справедливости, сохранения и продолжения национальных традиций в литературе и культуре, сберегает в умах и сердцах людей многовековой непобедимый духовно-нравственный код народа.

Юбилляр отличается молодым и энергичным характером, пользуется авторитетом и нацелен на серьезную перспективу развития.

Отрадно, что альманах не забывает и об истории Тульской области и других регионов России. Ведь только уважая прошлое можно с уверенностью смотреть в будущее.

Альманах издается при всесторонней поддержке главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Афанасьевича Яшина.

Алексей Афанасьевич Яшин — человек известный. Его деятельность поражает своей многогранностью: он самобытный прозаик, философ, поэт, ученый, главный редактор журнала. Писатель нестандартного мышления. Ему свойственно стремление к широкому охвату разнообразных жизненных явлений, а отличительной особенностью является дар предвидения. Он дает четкий и глубокий анализ исторических и современных событий, поднимая на рассмотрение и обсуждение острые проблемы политической жизни страны, экономики, военного строительства, образования. И все это благодаря способности охватывать мысленно всю ситуацию целиком.

Надо иметь в виду, что русская литература никогда не замыкалась в области чисто художественных интересов. Писатели всегда были учителями жизни. Они помогают человеку постичь самого себя и окружающий мир, прививают любовь к Родине, истории своего народа. Дают понятия о добре и зле, правде и кривде. Литература формирует нравственные принципы, идеалы поведения. Кроме того литература является главным хранителем языка. А ведь сбережение языка равноценно сбережению народа, его истории, характера и памяти. Она мощный источник воспитания личности. Роль литературы трудно переоценить.

Желаю коллегам и авторам не останавливаться на достигнутом, добиваться дальнейших творческих успехов, сохранить популярность и высокий авторитет альманаха у читателей. Творческого поиска вам, острого пера, реализации новых планов и благополучия! А читателям — радости соприкосновения с качественной русской поэзией и прозой!

*Евгений Трещев,
г. Щекино*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» — ЮБИЛЯР!

Всем известно значение слова ковчег — судно-спаситель, ларец для хранения особо важных ценностей. Оба смысловых варианта идеальны для понимания роли нашего юбиляра в современной жизни скоростного 21-го века.

Неумолимо, с искренней радостью на протяжении десяти лет наш «Ковчег» приглашает читателей в незабываемые увлекательные путешествия по творческому океану художественного слова за сокровищами удивительных островов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Российское родословие», «Литературоведение» и «Произведения о детях и для детей». Сокровища этих островов поистине бесценны, ибо, являясь духовными, они не подвластны разрушению временем, не подвержены коррозии, не ломаются, не теряются. Однажды став их обладателем, человек остается с ними навсегда.

Находясь постоянно на плаву, «Ковчег» несет свет, надежду, радость, любовь, добро и веру в мир, делая его тем самым ярче и гармоничнее.

От всей души поздравляю с юбилеем всех авторов «Ковчеха» и его главного редактора Якова Наумовича Шафрана, который, без преувеличения, является главной движущей силой, ритмом, пульсом, то есть сердцем литературно-художественного альманаха!

«Ковчегу» — успешно плыть по волнам времени во благо окружающего мира!

*Людмила Пенькова,
г. Тула*

ПОЭМА ЛЮБВИ
О книге Людмилы Алтуниной «Чайка с того света...»*

*Любовь — это открытие себя в других
людях и восторг узнавания.*

Александр Смит

*Любовь к людям — это и есть те крылья,
на которых человек поднимается выше
всего.*

Максим Горький

Близилась к завершению работа с типографией по поводу издания литературно-художественного альманаха «Ковчег», журнала «Приокские зори», а потому всероссийского, издающегося под девизом «Православие в наших душах». Приходилось частенько ездить на другой конец города, хотя делать этого не хотелось из-за очень плохой погоды — холодной, дождливой, совсем не июльской, а, скорее, середины октября. Долго не было даже проблеска солнца...

И именно в это время мне в руки попала книга «Чайка с того света... Рассказы, новеллы, очерки, эссе», вышедшая под эгидой «Библиотеки журнала «Приокские зори». Словно солнце засияло на моих ладонях. Это восприятие было вызвано не столько оформлением обложки — а она праздничная, радостная и ликующая, несмотря на мистическое название книги (сразу оговорюсь, оно оправдано дальнейшим повествованием) — сколько содержанием страниц.

Следует сказать, что автор книги — известный писатель и журналист, Людмила Дмитриевна Алтунина, при встрече и в общении также всегда производит на человека солнечное впечатление. Книга — о ней, о ее жизни, о людях, с которыми она встречалась или встречается и поныне, о ее близких, о нашем обществе, стране и ее путях. Однако главное в ней — отношение автора ко всему и ко всем. Оно проникнуто глубоким нравственно-философским смыслом, тонко скрытым, в обычных, казалось бы, проявлениях разных граней повседневной жизни и человека в ней. Поэтому и название выбрано не случайно: Л. Алтунина знает, и все, кто с ней общаются, знают, что она обладает неистощимой светоносностью — признаком духовной принадлежности к светлым слоям Небесного мира. Этим светом пронизан и плод ее труда — данная книга. Как пишет автор в своем предисловии: «...Перечитала эту свою книгу, объединившую под одной обложкой рассказы, новеллы, эссе, написанные в общем-то на разные темы и в разные годы, но, как оказалось, пронизанные единым духом — духом православия, хотя не ставила себе именно такую задачу: написать на православные темы. Видимо, все логично: я сама — воцерковленный человек, впитавший этот дух православия, — в понимании нетленных духовно-нравственных ценностей: добро, милосердие, сострадание, внимание к другому человеку, совесть, — в своей семье и от родителей, и от бабушки и дедушки по материнской линии, в душе своей остававшимися верующими людьми... И, безусловно, это не может не отразиться на моем мировосприятии, а, значит, — и на творчестве, о ком или о чем бы ни было мною написано».

---

* Алтунина Л. Д. «ЛИКИ РОССИИ» Кн. 1: «Чайка с того света»: рассказы, новеллы, очерки, эссе. — М.: Бит-принт, 2019. — 424 с. — (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Этот свет отражают и герои повествования,— автор, как она сама обозначает свою творческую позицию: «...за то, чтобы высветлять жизнь и своих героев, а не сгущать краски...»,— люди, разные и по возрасту, и по социальному положению, «...но объединенные единым, характерным для всего моего творчества. Рассказы, во многом автобиографические, написанные в основном от первого лица, повествуют о реальных событиях и об обычных, так называемых простых российских людях, вроде бы и неприметных внешне; ничем, на первый взгляд, и не примечательных, но обладающих душевной глубиной, светлым мировосприятием и яркой индивидуальностью, а зачастую и жизненно умудренных, многие из которых живут и поныне. Данные рассказы, как и все, ранее написанное мной, отличает правда жизни: та самая правда, пережитая или увиденная собственными глазами или близкими и родными, или рассказанная другими, которая самодостаточна и самоценна сама по себе и не нуждается в особых писательских вымыслах, приукрашиваниях и бурных фантазиях; та самая правда жизни, о которой мой земляк В. М. Шукшин говорил, что она и есть нравственная основа творчества. Это — та самая правда, в которой в той или иной степени найдет свое отражение каждый...

Воистину, жизнь преподносит нам порой такое, что и нарочно не выдумаешь, даже обладая очень буйной фантазией и способностью брать сюжеты из головы. «Да, жизнь — отличный и неутомимый соавтор»,— Борис Полевой, считавший так, прав. Но сами рассказы нельзя воспринимать как документальные, ибо они являются художественными и литературные образы собирательны. Исключение составляют документальные очерки, помещенные в книге».

Объемная эта книга (424 стр.) включает восемь частей, охватывающих весьма широкий человеческий бытия в разных его проявлениях. Через человеческие судьбы, собственное мировосприятие и размышления автор ненавязчиво подводит читателя к определенным выводам, показывая нашу с вами повседневность как бы изнутри и во взаимосвязи с окружающим миром; во вселенской синергии, если можно так сказать, ведь человек — это микро- и макрокосмос, вселенская частица, все в себе соединяющий и все отображающий. Через рассказы о собственных внуках,— а их у автора — девять: опыт общения с детьми, что и говорить, немалый,— автор делится определенными наблюдениями за ними, размышлениями по вопросам их воспитания, психологии, мотивации поступков и так далее, участь жизни и у малышей. Эта часть книги так и называется «Простая философия жизни: чему нас учат наши дети. Рассказы с размышлениями».

Немалое внимание автор уделяет рассказам из своего детства и студенческой юности, житейским историям — притчам, природе, о чем ниже еще будет сказано подробнее. Нашлось место на страницах книги и отрывкам из повестей Л. Д. Алтуниной: «Солдат войны полковник Кутепов», рассказывающей о легендарном нашем земляке — уроженце тульской земли, командире 388 стрелкового полка 172 Тульской стр. дивизии, мужественно, геройски оборонявшей город Могилев в июле сорок первого; «Очень жду у окошечка...», повествующей о дочери «врага народа», проследившая ее судьбу с военного детства до последних дней жизни. Включены в книгу и авторские стихи, в основном являющиеся как бы квинтэссенцией дальнейшего повествования той или иной ее части.

Один московский художник, человек немолодой, многоопытный, прочтя книгу Л. Алтуниной, сказал: «Ее автор — философ». И с ним нельзя не согласиться, поскольку, действительно, о чем бы ни говорила автор, в целом ее книга пронизана размышлениями о смысле человеческого бытия — его пребывания на земле, о ценностях нетленных; о том, что оставим мы после себя потомкам, в том числе собственным детям и внукам; чем приукрасим этот мир и какие послылы — добра или зла —

отправим в ноосферу, окружающую нашу планету. Такова будет и отдача землянам. Об этом надо помнить и не нарушать человеческой агрессией вселенского равновесия сил, которое может оказаться весьма хрупким,— к такой мысли подводит автор. Потому-то вполне органичен в книге включенный в нее цикл рассказов «Жизнь — дар Божий» и близкий к нему по внутренней духовной наполненности раздел «Мамин лес». Он, пожалуй, главный в этой книге, открывающий ее, как отмечает сама Людмила Дмитриевна, посвящен рассказам о матери — самому святому, что есть у нас на этом свете. Он так и называется «Мамин лес». Рассказы о материнстве». «Мамин лес»,— далеко не случайно раздел назван именно так,— одноименно с одним, основополагающим, рассказом, вошедшим в книгу. Мамин лес — это не только и не столько лес в прямом смысле этого понятия, как окружающая нас природа. Это, прежде всего, то главное, доброе,— в этом-то и заключен смысл повествования,— что сеет, закладывает и воспитывает в душах своих детей мать, и из чего потом вырастают добрые всходы, лишённые плевел,— лес доброго, светлого, вечного — духовно-нравственные непреходящие ценности. «Лес», посаженный мамой в детских душах,— это то, что останется и после нее и передастся другим, новым, поколениям. Мамин лес — как символ вечного, славного материнского начала, отражающегося, поселяющегося, продолжающегося и в ее детях, и во внуках, и в правнуках... И здесь, как и во всей книге, основа рассказов — реальные события, связанные с теми или иными людьми. Выдуманного почти нет, но сами эти факты впечатляют и не оставляют равнодушным.

Стоит отметить: эта книга открывает авторский проект Л. Д. Алтуниной «Лики России». Он, по ее замыслу, включает семь книг, в том числе повести, рассказы и стихи о ее малой родине — Горном Алтае (ныне Республика Алтай). Кстати, в данный момент она готовит к изданию две книги, которые войдут в этот проект: о Великой Отечественной войне и сборник «Созвучие. От Оки — до Катуня», авторы которого — поэты и прозаики из Тулы и из Республики Алтай.

Уместно ближе познакомиться читателя с автором этого проекта и книги, о которой идет речь. Л. Д. Алтунина (урожденная Егуекова), журналист и прозаик, родилась и выросла в Сибири, в Горном Алтае, в высокогорном, самом южном удаленном в Республике Алтай райцентре Кош-Агач, пограничном с тремя государствами: Монголией, Китаем и Казахстаном, расположенном в Чуйской степи, в преддверии пустыни Гоби. Детство и юность прошли в предгорном селе Майма. Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета и высшие редакторские курсы Всероссийского института журналистики (Москва). Около сорока лет — в СМИ. Долгие годы была редактором многотиражной газеты Тульского госуниверситета и руководителем отделения журналистики студклуба этого вуза. Ею написано более четырех тысяч статей для региональных и центральных СМИ. Автор и соавтор более десятка книг. Отдельные литературные произведения печатались в местных, центральных и международных изданиях, в сборниках. Военно-патриотическая, православная тематика, тема малой родины занимают особое место в ее творчестве. Финалист и победитель ряда всероссийских и региональных творческих конкурсов. Награждена многими грамотами, в том числе федерального уровня, и благодарностями. Ее имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедии тульской журналистики и Тульского государственного университета. Член Союза журналистов России и Академии российской литературы. Член редакционного совета и зав. отделом литературно-художественного альманаха «Ковчег» (всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори»). Ветеран труда. Живет в Туле.

...Замечательный поэт и прозаик Вячеслав Алтунин*, член Союза писателей России и Союза журналистов России, супруг Людмилы Дмитриевны, написал о книге «Чайка с того света...»: «Законы литературного творчества допускают такой прием, как идеализация. Тем более допустим он в твоей книге, пафос которой — изобразить жизнь «...не столько такой, какой она есть или была, сколько такой, какой она должна быть, очищенная от житейской прозы» (Константин Паустовский). Я бы сказал, что это крайне нужно нынешнему читателю, обалдевшему от жестокости и насилия окружающего мира...»**

Что касается законов литературного творчества, то книга Л. Алтуниной вполне отвечает их требованиям. Герои ее — живые люди, их речь насыщена, колоритна, не лишена разговорного стиля, диалоги выстроены интересно, содержательно и привлекательно для читателя, что позволяет более многогранно, психологически тонко раскрыть их характеры, мотивацию поведения и поступков; их монологи и действия полностью соответствуют той жизненной позиции, которую представляет нам автор на страницах книги. Писатель смогла заинтересовать читателя персонажами своего произведения, описания которых максимально точны, не оставила его равнодушным к их судьбе и в сомнении, как они поведут себя в различных жизненных ситуациях. Людмила Алтунина пишет естественным, свободным и понятным языком, без какой-либо неопределенности, неясности, двусмысленности, всегда находит нужное выражение, нужное определение, не создает чрезмерного скопления событий, происшествий, эпизодов, в то же время не пропуская необходимых, ярких, характерных эпизодов и деталей.

Чем больше окунаешься в чтение книги, тем больше понимаешь, что творчество автора направлено на врачевание души человеческой.

Еще Его Святейшество Патриарх Алексий II говорил, что в настоящее время происходит слишком много нечеловеческого, с чем мы постоянно сталкиваемся, и что отравляет, разрушает нас изнутри, особенно еще неокрепшие души молодых. И только воспитание и образование делают человека человеком.

Поэтому наибольшую ценность, особенно в наше время потери нравственных ориентиров, представляет творчество, возвышающее человека, исцеляющее его душу, укрепляющее его на пути к свету, имеющее глубокое воспитательное значение, возвращающее ему образ Божий.

«Чайка с того света...», объединившая три периода жизни автора: алтайский, казанский и тульский — это большая поэма о Любви. Большая не по количеству страниц (хотя книга толстая и хорошо организованная, с бросающимися в глаза заголовками), а по всеохватности такой Любви — от собственных детей и внуков, близких и друзей до, казалось бы, посторонних людей, как падших, так и простых, обычных и даже достигших высокого духовного уровня; от природных и городских пейзажей до милых сердцу родных краев и до большой великой Родины.

Это все так, несмотря на скромные слова Л. Д. Алтуниной: «Все, о чем я пишу,— это реальная проза жизни, наши повседневные будни и человек в них — в разных ситуациях, зачастую и весьма непростых. Причем мой герой — это, чаще всего, так

---

* Алтунин Вячеслав Васильевич родился в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет Казанского госуниверситета. Работал в районных и областных газетах Тульской обл., отдав журналистике почти сорок лет. Стихи пишет и печатается с четырнадцати лет. Автор семи книг (две — повести из пенталогии авторского проекта «Хлеб и душа», включающего пять книг) и соавтор нескольких книг, публикуется в литературных альманахах и сборниках. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» имени И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России», номинант Национальной премии «Поэт года» (2016). Член СПР и Союза журналистов России.

** В. В. Алтунин. Из письма автору после прочтения рукописи этой книги.

называемый «маленький человек», обычный, казалось бы, ничем не примечательный, незамеченный» (Алтунина Л. Д. «Лики России» Кн.1: «Чайка с того света», с. 9).

Поэма Любви начинается с любви к матери, ибо что может быть на свете священнее ее имени! Все самые дорогие святые названы и озарены именем матери, потому что с именем этим связано и само понятие жизни. К тому же еще Иоанн Златоуст* говорил: «Та, что воспитывает живую душу,— талантливее любого живописца или ваятеля».

Мама — это первая любовь каждого из нас. Кто не испытывал теплых чувств, признательности, желания сделать благодеяние матери? Ведь порой только единственный человек в мире может понять и простить любое наше заблуждение и неверный шаг. Связь с матерью — это прочная, незримая серебряная нить, проходящая через всю жизнь человека, начиная от негромкой песни у детской кровати, от ласкового прикосновения любимых рук, родных теплых губ, от бессонных ночей рядом с больным малышом, и навсегда, когда преградой не является и окончание ее земной жизни. Именно об этом — основанный на реальном явлении пронзительный мистический рассказ автора «Чайка с того света...», давший название всей книге.

Мать всегда является самым верным, благоразумным и благожелательным человеком и наставником для своего ребенка, проявляя ангельское терпение, благодаря мудрости и душевной доброте, сердечному теплу и преданности, учит всем лучшим человеческим качествам, независимо от его возраста, является самым надежным советчиком в трудных жизненных обстоятельствах.

Конечно, какой-то читатель скажет, что это идеальный образ матери и идеальное к ней отношение, что в наше «искривленное» время это — редкость. Позволим не согласиться с ним, хотя негативные явления, которые кому-то хочется видеть как всеобщие и повсеместные, имеют место быть в нашей современной действительности.

На земле не будет жизни без материнской любви. И мы обязаны в ответ дарить ей ту любовь, которую она нам дала и дает.

Людимила Дмитриевна как верующий человек знает Божью заповедь: «Уважай отца своего и мать свою»** и несет ее в свое творчество. И действительно без исполнения этого невозможно стать и быть уважаемым, достойным членом общества. Самый главный поклон после преклонения перед Богом — это поклон матери и отцу. Ибо за нелюбовь, неблагодарность к родителям Бог не прощает людей.

Любовь к собственной матери рождает в душе автора аналогичное чувство ко всем матерям и побуждает искать похожие черты характера и душевного склада. И автор через героев своей книги показывает примеры любви и почитания родителей.

Так описывает Л. Алтунина мать своего зятя Сергея: «...полная внутреннего сдержанного достоинства и какой-то неженской мужественности, всегда готовая впрячься в тяжелую упряжку и, все взвалив на свои плечи, нести молча, терпеливо, без малейшего ропота и жалоб на нелегкую судьбу, как будто так и надо — иного и не ждет. С детства привыкшая к тяжелому крестьянскому труду, она никогда не искала для себя никаких удобств, благ, скидок, да и отдыха не знала, как, впрочем, многие сельские жители, прикипевшие к своей земле» (Cit. op., с. 38).

А мамины уроки и наказания в рассказах автора! — Это евангельские слова, пережитые на современную жизнь. Многие могут позавидовать писательнице, имев-

---

* СІТАТУ.SU. Цитаты и афоризмы про маму. <https://citaty.su/mat-citaty-i-aforizmy-o-materyax> Иоанн Златоуст (Златоустый) (греч. Иоанн Хризостом; ок. 347 — 14 сентября 407) — архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом.

** Библия. Современный русский перевод. Книга «Исход», 20:12 — М.: Российское Библейское общество, 2017.— 2640 с.

шей такую мать. «Любое дело в отношении людей, прежде... подумай сделать его или не сделать, особенно когда сомневаешься, ты, доча, моя милая, прежде всего, примерь на себя. Подумай: каково было бы тебе...» Да и как она могла не учить этому, если и ее мать, мама стара (бабушка — так говорят на Алтае.— Прим. авт.), говорила: «Прежде чем что-то сделать, хорошо подумай, вокруг головы обведи, да за пазуху положи»... (Cit. op., с. 144). И учила мать Людмилу и ее сестру и брата всегда, везде поступать, как велит совесть, учила, как относиться к самим себе, к людям, независимо от того родные они или чужие, к окружающему миру, и не забывать, что Бог рядом. «И сейчас я просто поражаюсь: сколько в них мудрости, нравственности — глубинной нравственности, данной... от земли, от корней, и передающейся из рода в род...» — пишет автор (Cit. op., с. 149).

Людмила Алтунина из многодетной семьи, и все близкие ее имели такие же семьи. «В нашем доме, вообще, всегда крутилось много детворы — всех привечали, кормили-поили. А мои подружки из необеспеченных семей, социально неблагополучных, как сейчас сказали бы, так и жили у нас: ночевали, питались, мылись в бане, носили мои платья, которых у меня было много. Мама... бывало... нашьет платьев... и моим подружкам...» (Cit. op., с. 105). Может быть, отсюда у нее и такая любовь к детям, и так близко ей женское мужество?

Большую роль в жизни автора, в ее воспитании сыграл отец. Вот что он пишет в одном из своих писем: «Дорогая моя, донюшка, ты задала мне очень важные и непростые вопросы: “Папа, в чем смысл жизни? Что такое счастье?” — Хорошо, что они тебя волнуют — это верный путь, чтобы стать человеком»... «Вы в больших городах получаете крепкие знания, выбрав по сердцу будущие профессии, стремитесь к свету, выходите, пойдете дальше вашего папки. И это радует и согревает меня; значит, прожили мы с мамой не зря — оставили свой след на земле... Так и должно быть: дети должны быть лучше своих родителей, идти дальше, иначе не будет доброго развития и народ выродится... Есть место, где ты родилась и выросла, никогда не забывай его, как бы ни сложилась твоя жизнь... Надо стремиться, моя ненаглядная, чтобы становиться лучше во всех отношениях, главное же — внутренне, духовно, чтобы приносить пользу не только себе, но и другим людям, своей стране...» (Cit. op., с. 162). Одобрение отца — самая сильная из мотиваций. К тому же эти слова являются подтверждением мысли А. П. Чехова, который писал: «Нужно стремиться к тому, чтобы каждый видел и знал больше, чем видел и знал его отец и дед»*.

Отец Л. Д. Алтуниной немногословен. Может быть, это одно из немногих наставлений, которые он давал дочери. Редкие отцовские похвалы были очень значимы для нее и до сих пор хранятся в памяти, ибо между ними была крепкая эмоциональная близость. Любовь отца — особенна, отличается от материнской, в ней мало речей, однако ей нет цены. Как не оценим и сам отец для девочки — первый и в ранние годы единственный, самый замечательный мужчина, защитник и эталон мужчины, товарищ и друг, который, хотя и строгий, требовательный, но никогда не был тираном или просто наблюдателем, любящий ее без каких-либо условий. Его любовь настоящая: внимательная и спокойная, которая делает честными детей. Отец Людмилы Дмитриевны очень любил ее мать, а это тоже было немаловажным в становлении личности дочери.

Естественно, воспитание дочери отцом непохоже на материнское. И во многом то, какой будет будущая жизнь девочки, более всего зависит от отца. Его роль здесь очень важна и ответственна. Мамы преподают умения семейной жизни, домовитости и женственности. А настоящий отец, как показывают все психологические исследо-

---

* ВикиЧтение. Оганян Ж. «Афоризмы великих мужчин». Антон Чехов — великий русский писатель и драматург. <https://public.wikireading.ru/121533>

вания и сама личность Л. Алтуниной свидетельствует об этом, представляет собой определяющую основу для формирования дочери: для развития эмоциональной самостоятельности девушки, для укрепления ее уверенности в себе, ее выдержки, владения собой, дисциплины и верных понятий о семейных обязанностях, для ее оценки самой себя, своих возможностей, для осознания своего места среди людей и для формирования способности принимать самостоятельные решения в жизни.

Вот и получается, что без хорошего отца, каковым являлся и отец автора, как говорил Н. М. Карамзин: «...Нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионаты»*.

В повествовании автор уделяет большое место и теме любви к родителям родителей, которая есть естественное и закономерное продолжение любви к матери и отцу. Ведь, как говорится, ближайший путь к любви Бога — это любовь к своим бабушкам и дедушкам. Вот как говорит автор, например, о своей бабушке: «Удивительная моя мама стара! Несуетливая, некрикливая, немногословная, не сюсюкающая с нами, детьми, даже с самыми маленькими, грудными, но всегда спокойная, полная внутреннего достоинства» (Cit. op., с. 20). И во многом эти черты передалась от нее к матери автора.

Как любит она мать, ее «...милый, исцеляющий душу, голос...», как впитывала при ее жизни в себя его и «...всю атмосферу родного дома, все его запахи и шорохи...», заботу и тепло родителей и мамы, и папы старого. «Все это, сохраненное в памяти, в сердце, помогало вдали от родного дома и помогает донине оставаться собой...» (Cit. op., с. 127).

Корни памяти Людмилы Алтуниной — в доме бабушки и дедушки по матери, Леонтьевых Марфы Сазоновны и Григория Яковлевича, «мамы стары и папы старого». «...Бабушка так и осталась простой русской неграмотной крестьянкой, хлебо-солонной, гостеприимной и доброй, но с высоким чувством человеческого достоинства...» — пишет автор (Cit. op., с. 18). «...Как сейчас я вижу бревенчатый бабушкин домик, с аккуратной, чисто выметенной оградой, в углу которой примостилась крохотная банька под высокими раскидистыми тополями...» (Cit. op., с. 18). «...Я остаюсь в доме, чтобы послушать бабушкины молитвы. Что-то завораживающее, светлое, наполняющее сердце трепетом, нежностью и чем-то невыразимо сокровенным, было для меня, восьмилетней, в этих, не всегда мне понятных, но таких гармоничных и благодатных, молитвах...» (Cit. op., с. 21).

В какую даль вглядываются наши бабушки и дедушки своим скрытым духовным взором? Этот взор проникает в свою корневую систему, в свой род. Ведь корни человека — это не только земля, на которой он родился. Но это еще и нравы, устои его народа; это и жизненное устройство его отцов, дедов и прадедов. Это то, к чему человек должен неизбежно испытывать благодарность и уважение.

Человек — это древо, у которого корнями является его семья и самые близкие. Эти корни питают человека, дабы он вырос подобно дереву высоким, ветвистым и краси-

---

* EPVR. Мудрые мысли. Н. М. Карамзин <http://www.epvr.ru/quotauthor/297/txt5.php> Николай Михайлович Карамзин (1 [12] декабря 1766, Знаменское, Симбирская губерния (либо село Михайловка (Преображенка), Оренбургская губерния) Российская империя — 22 мая [3 июня] 1826, Санкт-Петербург, Российская империя) — историк, крупнейший русский литератор эпохи сентиментализма, прозванный «русским Стерном». Создатель «Истории государства Российского» ... — одного из первых обобщающих трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» (1791—1792) и «Вестника Европы» (1802—1803). Карамзин вошел в историю как реформатор русского литературного языка. Его слог легок на галльский манер, но вместо прямого заимствования Карамзин обогатил язык словами-кальками, такими, как «впечатление» и «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввел в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Материал «Карамзин, Николай Михайлович» из Википедии — свободной энциклопедии.

вым, с богатой кроной, то есть настоящим, гармоничным и счастливым. Однако бывает, по той или иной причине, и разрыв связи с корнями. В этом случае человек начинает опустошаться, теряет смыслы жизни, превращается как бы в сухое, мертвое дерево.

Чаще же бывает нечто другое, когда дефицит корневых эмоций человек пытается компенсировать за счет своих жизненных партнеров, тем или иным способом требуя признания, востребованности себя, доверия, внимания, заботы и нежности, а порой и опоры. И наоборот, когда у человека с корнями все благополучно, он признает и уважает индивидуальность каждого человека, ее необходимость для жизни, внимателен и заботлив по отношению к тем, кто рядом, сам является поддержкой для более слабых.

Автор однозначно принадлежит не к первым и вторым, а к третьим, и доказывает это всей своей жизнью и творчеством, в частности, и книгой «Чайка с того света...».

Однако мать — это не только своя мама и бабушка, но и сама автор — мама. Поэтому в поэме любви Л. Д. Алтуниной много внимания уделяется любви к детям. И как мастерски отражена сила духа, любовь к своему ребенку, к жизни, вера в свои возможности в следующем отрывке: «...Я вдохну в него жизнь, даже если она осталась для него. У меня же целая ночь впереди. Целая ночь для нас с моим малышом! Ночь, чтобы я оживила его. И я в это верю! Верю, наперекор им всем, убеждающим меня, что... не может быть. “Может!”... У меня хватит сил вдохнуть в него жизнь...» (Cit. op., с. 84).

Потому, наверное, верно высказывание Уильяма Теккерея: «Мама — это имя Бога на устах и в сердцах малышей»*.

Читая произведения Людмилы Дмитриевны, постоянно убеждаешься, что она действительно любит своих детей, любит их правильно и грамотно. Потому-то она понимает, что не все так просто в любви к ребенку. И вместе с другими настоящими матерями считает, что, прежде всего, необходимо задать вопрос: «Зачем мы желаем иметь детей?» Кто-то ответит: «Это возможность построить для них такую безоблачную, сознательную и прекрасную жизнь, какой я не имел сам, в надежде, что и они будут помогать создавать такую жизнь и своим детям». Однако большинство людей проживают свою жизнь совершенно иначе, и потомство их просто связывает по рукам и ногам.

Л. Алтунина убеждена, что, говоря о любви к детям, важно понимать: какая любовь необходима им? Умна ли она, или ограничена, недостаточна или, наоборот, чрезмерна, целесообразна или ошибочна, когда дети порой считают родительской любовью то, что родители мне покупают и разрешают все, что я хочу». А с другой стороны, любящая мать, а также отец, могут быть равнодушны к интересам и насущным желаниям своих детей, к их просьбам. Поэтому и говорится, что в воспитании необходима мудрость и соответствующий уровень культуры, необходимо научиться безусловному принятию ребенка, необходимо построить с ребенком человеческие отношения. Да, ему меньше лет, он мало знает, у него практически нет опыта, но это наш друг, и мы должны понимать, уважать его и доверять ему.

«Любить — это значит смотреть на человека и видеть его таким, каким его создал Бог...» — говорила Марина Цветаева**. И родители должны задавать себе во-

---

* Цитаты известных личностей. У. М. Теккерея. <https://ru.citaty.net/tsitaty/480957-uiliam-meikpistekkerей-mat-eto-imia-boga-na-ustakh-i-v-serdtsakh-malenkikh/> Уильям Мейкпис Теккерея (1811—1863) — английский писатель-сатирик, мастер реалистического романа. Материал «Теккерея, Уильям Мейкпис» из Википедии — свободной энциклопедии

** СОКРАТИFY.NET. Марина Цветаева, цитаты. <https://sokratify.net/quotes/marina-tsvetaeva> Марина Ивановна Цветаева (26 сентября [8 октября] 1892[7], Москва — 31 августа 1941, Елабуга) — русская поэтесса Серебряного века, прозаик, переводчица. Материал «Цветаева, Марина Ивановна» из Википедии — свободной энциклопедии.

прос: «Что я могу сделать, чтобы приблизить этого человека к его совершенному образу?» Именно так любит и воспитывает писательница своих детей, а ныне — и своих внуков, и говорит об этом: «...И такое щемящее чувство любви и нежности переполняло меня! Хотелось вобрать в себя весь этот теплый, нежно пахнущий молочком крохотный комочек... защитить его, уберечь от всех невзгод, болей и болезней, которые могут поджидать в жизни...» (Cit. op., с. 96).

Любовь Людмилы Алтуниной выходит за рамки обычной «физиологической» любви, которая присуща, за очень редкими исключениями, подавляющему большинству матерей. Ее любовь к ребенку — это одна из граней любви к Богу. «...И вдруг меня осенило! Слово сквозь разбежавшиеся облака брызнули яркие солнечные лучи — это в детях являет нам Господь сокровенную частицу Самого Себя! Выходит, любя безумно свое чадо, мы, сами того не сознавая, испытываем через них и любовь к самому Богу, к ближним... Так вот в чем оно — великое таинство и смысл рождения, появления маленького Человека на земле: увеличить, прибавить любви на нашей планете, чтобы не осушилась эта благодатная, живительная Вселенская Чаша!» (Cit. op., с. 97).

К тому же автор книги понимает и доказывает всей своей жизнью, что невозможно родить, вырастить ребенка «для себя» (Cit. op., с. 64). Она считает, что с рождением ребенка заново открывается перед человеком мир: «...Проживаешь новую жизнь, острее и ярче воспринимая ее, с новым интересом вглядываясь в привычное» (Cit. op., с. 32). Вообще, идея «ребенок для себя» — ошибочная, это идея власти рабовладельца над рабом. А с другой стороны, — это попытка внешним образом разрешить свое глубинное затруднение. А итогом всего этого будут болезненные отношения с ребенком.

Потому-то Л. Д. Алтунина с неприятием относится к тому, что некоторые люди находят реализацию своего материнского инстинкта в воспитании собак и кошек. «...Лучше бы детей рожали и воспитывали. А если своих Бог не дал, то детдомовским бы помогали или усыновили ребенка, больше бы пользы было. Нельзя же любить животное больше, чем человеческое дитя» (Cit. op., с. 33).

И любовь Людмилы Дмитриевны, как у всякого верующего человека и гражданина, простирается дальше любви к собственным детям и внукам и распространяется на все подрастающее поколение. Она уделяет этому очень большое внимание, сама как многодетная мать придает этому огромное значение и чувствует большую ответственность за это дело. Но, кроме всего этого, нужно еще и, как было сказано выше, уметь воспитывать. О знании и умении ее, — памятуя о том, что, рассказывая о других, человек передает собственную сущность, говорит о себе, ибо что тебе нравится в других, то ты и есть, и наоборот, — сообщает нам следующий отрывок: «...Вера Ивановна по-матерински доверительно говорила о самом главном, что хотела передать не только сыну, но и всей молодежи: о том, как важно думать не столько о материальном, сколько о духовном, набираясь знаний; становиться людьми, готовыми откликнуться на чужую боль, прийти на помощь; неустанно совершенствоваться и при любых неудачах не опускать руки, не пасовать, а находить в себе силы при любых обстоятельствах преодолеть их...» (Cit. op., с. 74).

А сколько пользы или, наоборот, вреда мы можем дать еще бессознательному маленькому человеку, когда в его присутствии ведем разговоры. Л. Алтунина прекрасно это понимает, зная то, что любой звук, не говоря уже о слове, впитывается подсознанием ребенка и оказывает затем влияние на его развитие и становление: «Развращаем своими пошловатыми разговорами, недопустимыми в присутствии ребенка, да и вообще недопустимыми разговорами в пошловато-жаргонном тоне... американскими мультфильмами...» (Cit. op., с. 219) и т. д. И все это — вместо духовно-нравственного воспитания, в том числе и в семье. Писательница приводит пример

такой воспитательной беседы матери с ребенком: «...У человека есть самое главное, доченька моя, ...совесть, которая не велит ему делать что-то плохое, даже если никто не видит. Вот об этом помни всегда, как бы ни был велик соблазн... все это против тебя же и обернется, и с большей силой. И такому человеку не будет в жизни счастья и удачи. Это тебе — мое материнское слово...» (Cit. op., с. 143). «А от мысли о том, что врать уже не надо, и что, может, утром та, незнакомая девочка, прибежит и найдет свои босоножки на прежнем месте и очень тому обрадуется, на душе стало легко и даже весело» (Cit. op., с. 148).

Однако с воспитанием детей в окружении тотального влияния «зомбоящика», компьютера и гаджетов, собственно Интернета, газетного и книжного «чтива», а также сильнейшего, как и всегда, влияния сверстников, плохо обстоит дело в современном обществе. Вот и приходится потом перевоспитывать, порой в тяжелейших обстоятельствах, уже достаточно созревшего человека. Но никогда ни один человек, даже сильно оступившийся, даже глубоко упавший, не безнадежен для Сил Света. И это утверждает Людмила Алтунина в одном из своих рассказов: «Иди, Никита, по жизни смело. Каждый может оступиться, главное — не дать себе упасть... Ты можешь встретиться сейчас с тем, что многие знакомые закроют перед тобой двери, будут будто бы не узнавать тебя на улице, не ожесточайся, не замыкайся, не отчаивайся, не бравируй столь горьким своим жизненным опытом. Учись, трудись, тянись к свету, и все придет: обретишь твердую почву под ногами, и самоуважение, и уважение других. В этой жизни, мальчик мой, надо быть очень сильным и стойким, находить в себе силы подниматься из пепла...» (Cit. op., с. 182).

Добрые воспоминания о людях и былом — основа любящего сердца. Таких мест в книге автора очень много. Вот некоторые из них. «Сережа словно слышал то тут, то там, в орешнике, голос матери, и будто живая вставала она перед его внутренним взором» (Cit. op., с. 57). Ведь всю жизнь перед взором Л. Д. Алтуниной стоит ее дорогая и любимая мать. «И ничего нельзя вернуть назад, поправить, как ни желай, как ни сожалея, как ни старайся! Все на свете поправимо, непоправима только смерть! Сережа, ...ткнувшись ничком в прохладную, душистую траву, цепляя ее крепко сжимаемыми кулаками, заплакал: громко, навзрыд, как ребенок. И небо, словно вступив с ним в какое-то тайное согласие, пролило вдруг из вынырнувшей откуда-то со стороны леса легкой, белесой тучки, похожей на женский профиль в платочке, крупные, сверкающие на солнце, теплые, будто слезы, капли дождя — слепого дождя, как говорила о таком дожде мама. Может, это ее небесные слезы пролились... и соединились с его слезами. И они плачут вместе, светло и горько плачут» (Cit. op., с. 65).

Вот еще одно место из книги, из которого видно, что для Людмилы Дмитриевны характерна очень гуманная черта характера одной из ее героинь: «У Веры Ивановны уже давно вошло в привычку разговаривать с растениями, как с людьми, будь то деревья, помидоры или огурцы, и даже, как отметила она про себя, от такого ласкового общения они лучше растут и плодоносят» (Cit. op., с. 70).

Знаком полного любви сердца является добрая память о друзьях-товарищах. Поэтому много строк в книге Л. Алтуниной посвящено дружбе. И как здесь подходят строки А. С. Пушкина: «Ты сохранил в блуждающей судьбе / Прекрасных лет первоначальны нравы...»* (Cit. op., с. 298 — 306).

Для женщины очень важно и значимо чувство любви, проявленное к ней, и ее собственное. Поэтому писательница так трепетно пишет о любви к ней Вячеслава — будущего мужа ее. И о зарождении своего чувства к нему. И приводит с благодарно-

---

* А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Т. 2 Стихотворения 1823—1836. 1825 г. «19 ОКТЯБРЯ».

стью его стихотворение, обращенное к ней: «В исходе марта в лужицах дрожит / Не-разбериха льда, небес и веток. / А в воздухе, прозрачны и свежи, / Уж крепнут волны зреющего света! / В исходе марта прядь твоих волос, / Следы ручьев. Прожилки тротуара, / Бред птичий... Все во мне отозвалось. / Как звонкая весенняя гитара» (Cit. op., с. 292—297).

Одним из проявлений Любви является материнская молитва. В книге хорошо показана ее сила. «...Потом, когда она подробно рассказала матери о своей аварии, и они по часам и минутам стали восстанавливать, кто из них и что делал в тот или иной момент, то пришли к однозначному выводу, что это именно мамина молитва спасла Лизу от гибели» (Cit. op., с. 82).

Молитва матери может и со дна моря поднять. Однако профессор Московской Духовной Академии и Семинарии Алексей Ильич Осипов говорит: «Мы должны понять, что такое молитва. Бесплодна та молитва, которая не сопрягается с понуждением самого человека к какому-то ограничению себя, к какому-то подвигу в отношении себя... Я знаю одного священника, его дочь сломала ногу. Он не пьяница, но прямо сказал: “Ни капли вина, пока сломанная нога моей дочери не станет такой же здоровой, как была”. Все исполнил, вот это молитва... Вот это будет акт любви... А мы порой не поддерживаем свое моление, страшимся и малостью пожертвовать. К тому же часто и молитва наша неправильна. Святые подвижники учили и учат, что надо молиться так, как это делал Иисус Христос в Гефсиманском саду. Это есть вечный образец обращения к Богу: “Отче, если возможно, пронеси мимо меня чашу сию, но не моя, а Твоя воля да будет”. Мощь молитва, в том числе и молитва матери, обретает при смирении и самоотречении, а не в требовании “дай мне, хочу”)*. Людмила Алтунина хорошо понимает это и пишет об этом в своих произведениях.

Большое место, как уже понял читатель, в прозе автора, в частности, и в книге «Чайка с того света...», занимает вера в Бога. И это не случайно, ибо Л. Д. Алтунина — православный человек. Этой верой она полна и несет ее и в своей жизни, и в жизнь окружающих ее людей, а потому и рассказы ее — это повествование, прежде всего, о подобных ей самой: «...Порой, случалось, хлеба-молока не на что было купить, но Елена не унывала: верила, что Господь и Пресвятая Богородица не оставят ее с детьми, ведь она знала, что каждому дается Всевышним по вере и силам его» (Cit. op., с. 30). Как уже говорилось, то, что писатель подмечает в своих героях, свойственно ему самому: «...В сознании мальчика сложилось, что понятия мама и храм — неразделимы» (Cit. op., с. 53). Или вот еще: «...Появился у них и свой духовник, отец Василий. Без его благословения они в тот трудный период и шагу не ступали: все делали, посоветовавшись с этим мудрым, умным, много пережившим священнослужителем» (Cit. op., с. 72).

«Вера в Бога принадлежит к самым глубоким, таинственным и духовно-драгоценным состояниям человека. Это есть благодатное переживание великой душевно-художественной ценности и жизненной силы, которым надо дорожить, которое надо беречь и к которому не следует подходить, умничая и произволяя», — писал Иван Ильин**. Как часто вера спасала людей от пресыщения жизнью, от тоски и уныния. Ибо вера сильнее всего, а вера в Бога сильнее всех невзгод, она поистине творит чудеса. Она и всякому знанию сообщает силу. Бог познается нами по прояв-

---

* Профессор Московской Духовной Академии и Семинарии Алексей Ильич Осипов. «О материнской молитве». Телеканал «СОЮЗ» <https://tv-soyuz.ru/qna/o-materinskoy-molitve>

** Иван Ильин. «Аксиомы религиозного опыта». Глава 7. «Акт веры и его содержание». «Седмица.RU». Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия».

лениям в жизни, по действиям, по излияниям благодати Его в сердца наши, а не логически. Задача человека держать сердце чистым, и тогда вера соединит с Богом, приведет в общение с Ним.

И еще очень важно: перед тем, как что-то сделать, вызвать в сердце своем образ Иисуса Христа и задуматься: мог бы Он совершить это, одобрит ли Он мои действия или нет — и ответ придет. Тогда наши действия будут соответствовать нашей вере.

Однако вера и понимание Бога не приходят сами собой, а воспитываются с детства. Людмилу Дмитриевну, как уже понял читатель, было кому воспитывать и в вере, и в порядочности. «...И тут меня обожгло еще больше, словно жгучей катунской крапивой стегануло по всему телу: Боженька ведь смотрит на меня и все видит, и ждет от меня, как я поступлю. А раз Он все видит и знает, и видит меня, значит, знает и как мне страшно. Но ведь я хочу исправить свою ошибку: совершить хороший, ... Богоугодный поступок, Ему угодный; значит, Он защитит меня и со мной ничего плохого не случится. От этой мысли страх мой... отступил» (Cit. op., с. 146). И еще очень важно отношение к продуктам, к хлебу: «Это ж продукт, на пропитание Богом дан, грех в мусорное ведро кидать...» (Cit. op., с. 350).

Любой, интересующийся православием, духовностью, знает, что небесная воля часто не сразу постижима человеком. Чтобы это происходило быстрее, необходима светлая, тонкая и отзывчивая душа и здраво- и благомыслящий ум его. Поэтому хорошо, что многое в жизни и в знании еще закрыто от нас, ибо душа и ум многих людей не готовы к восприятию. Л. Алтунина однозначно разделяет точку зрения, что для продвижения в этом нужно душе потрудиться, прежде всего, в плане милосердия, проявить его от самых глубин души, от сути человеческой. «Только такое милосердие и есть истинное» (Cit. op., с. 119).

Писательница не устает приводить примеры веры устами героев своих произведений, которые рассказывают об этом своими словами. Вот один из них: «Если ... Христос так за нас, людей, страдал, так почему и мне, простому смертному человеку, не пострадать за самого себя, за свои грехи и, пройдя через эти страдания, не подняться?! Ведь учит же меня чему-то Бог, коль такое испытание мне послал!.. — говорит (герой) — ...Стал я Евангелие и все другое, связанное со святыми, очень внимательно читать и серьезно размышлять... И, не поверите, как прозрение какое на меня сошло: сам себя и свою болезнь иначе понимать стал: страдаю, чтобы грехи тем самым искупить, покаяться и лучше стать» (Cit. op., с. 325). И действительно, всякий недостаток, вину и беззаконие, прежде всего, выискивать в самом себе необходимо. В жизни человек может лишиться всего, к чему был привязан душой. Но в любых обстоятельствах человек не один, Бог навсегда с ним, Бог всегда рядом, только к Нему по вере нужно обратиться с искренней молитвой, а не как слабый человек пребывать в тоске и сомнении и надеяться только на свои силы. «И чем глубже твоя вера, тем ближе Бог...» (Cit. op., с. 328).

Один из героев «Чайки с того света...» говорит: «Раз испытывает, значит, не потеряю я еще для Него. Дает Он мне шанс все преодолеть и подняться, ведь зачем-то же Он послал меня на землю... И ни от кого, кроме Бога, не жду помощи» (Cit. op., с. 326).

Но испытывает ли Бог? Мудрый писатель, а таковым, несомненно, является Людмила Алтунина, позволит себе не совсем согласиться со словами героя. Ибо неужели Бог рад тому, что мы подвергаемся затруднениям и соблазнам? Он не шлет их нам и не хочет, чтобы они были у нас, так как Он, являясь Любовью, никогда не способствовал и не способствует существующему злу.

Все эти трудности и препятствия выпадают нам, ибо мы зачастую действуем противоположно Божьей мудрости, исходя из своей гипертрофированной в сторону зла свободы воли. Люди часто ставят высоко в жизни свои страсти, вещи, свою непогрешимость, потому и попадают в полосу неприятностей, а не по воле Божьей.

И вот здесь важно, как поведет себя человек: станет ли он крепким, сильным, негибким, стойким в своей вере и поведении в жизни или, наоборот, падет. Человек, успешно прошедший через испытания и очистившийся от всего темного, нечистого, злого, становится подобным золоту перед Богом. И Он радуется этому.

Как и всякий верующий человек, автор, имея на то полное основание, ибо сама так старается жить, через повествование о своей жизни и через своих героев ненавязчиво дает читателю уроки экологии души. От этого зависит не только сама человеческая жизнь, но и состояние нашей окружающей среды. Кто не знает о глобальных экологических катаклизмах? И действительность говорит нам, что хорошее состояние природы невозможно без экологии человеческой души. Как правильно говорил германский писатель и мыслитель И. Гёте, «...растет то, что мы выращиваем в душе...»* В таких условиях, понимает Людмила Алтунина, важная задача — воспитать не только развитого, просвещенного и высококультурного члена общества, но и креативную личность, ответственную за все вокруг, в том числе и за состояние нашего общего дома. А для этого, считает писатель, мы должны возрождать духовные и нравственные основы, приобщать людей к народной культуре, развивать экологическое мышление и поведение. Эта тема пронизывает все творчество Л. Д. Алтуниной и живо перекликается с творчеством различных русских и зарубежных писателей. Так, в стихотворении «Природа» из «Стихотворений в прозе»** любимый ею (об этом несколько ниже) И. С. Тургенев соединяет воедино «жилой дом» и «храм». Храмина, в его изложении, это и Дом Природы, и церковь. Природа же является нам как царственная женщина. И герой стихотворения вначале думает, что гармония владычеству-ет между Природой, которая, как мать, радеет о ребенке, о его благоденствии, и человеком. Однако это не так: зашоренный ум, чувства и неразумная воля отделяют людей от природы. Законы природы и людей различны. Поэтому Антуан де Сент-Экзюпери, выдающийся французский писатель, как-то сказал: «Все мы пассажиры одного корабля по имени Земля, значит, пересечь из него просто некуда. Если у человечества не найдется сил, средств и разума, чтобы поладить с природой, то на умершей, покрытой пылью, безжизненной Земле стоило бы, пожалуй, установить надгробный камень с такой скорбной надписью: “Каждый хотел лучшего для себя”»***.

Книга Л. Алтуниной несет читателям убеждение, что нужно начинать с возрождения человеческой души и сохранения ее в чистоте; способствует правильному формированию ума человека, его воли и чувственно-эмоциональной сферы, то есть личности. Ибо от этого зависит жизнь всей нашей страны, а по большому счету, и всего человечества. И автор убеждена, что каждому человеку начинать необходимо с самого себя: творить сердце свое чистым и открытым, дабы каждое слово несло любовь и милость, радость и добро; что нужно прощать — ни на кого не иметь недоброй памяти, обиды, злобы; не разбрасываться людьми, взаимоотношениями с ними и чувствами; быть добрее, внимательнее, заботливее, предупредительными по отношению к ним. И верить, что все трудности, испытания, даже несчастья,— все, совер-

---

* Иоганн Вольфганг Гете. Цитаты. <https://ru.citaty.net/avtory/iogann-volfgang-giote/> Иоганн Вольфганг Гете (с 1782 года фон Гете 28 августа 1749, Франкфурт-на-Майне — 22 марта 1832, Веймар) — немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель. Материал «Гете, Иоганн Вольфганг фон» из Википедии — свободной энциклопедии

** «Senilia. Стихотворения в прозе». И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 10. М.: "Наука", 1982. «Природа».

*** Антуан Мари Жан-Батист Рожэ де Сент-Экзюпери (29 июня 1900, Лион, Франция — 31 июля 1944) — французский писатель, поэт, эссеист и профессиональный летчик.

шающееся с человеком,— ему в избавление и, в итоге, во благо. И еще благодарить за все и за каждую минуту жизни, ибо она, как и все, дана Богом.

Как уже было сказано, не может быть экологии души без приобщения людей к народной культуре. А кому говорить о ней, как не тем, кто живет в ней и ею. Одной из граней проявления любви Людмилы Алтуниной к народной культуре является любовь к русской народной песне (Cit. op., с. 156). Она впитала эту любовь, видимо, с молоком матери. «Песни эти, протяжные, грустные, сибирский народ любит, видно, в своих душах и нелегких судьбах находит созвучие с ними. Эти песни всегда пели и в больших компаниях, собиравшихся по праздникам в нашем доме. Папа запевал, мама подхватывала, потом включалась вся компания. Голоса у родителей были сильные, чистые, мелодичные. Пели компанией слаженно, мощно, красиво. Сибиряки, вообще, любят петь, и как поют! Все их песни и, впрямь “жизненные”, до сих пор звучат в моем сердце. Услышу их или сама запою, и в памяти ясно встают те далекие картины из далекого детства» (Cit. op., с. 107). «...А уж как пели! Как пели! Аж, бывало, в окнах стекла дребезжат. Все русские народные песни, да на несколько голосов, да с подголоском... Мои папа с мамой почти всегда были запевалами. Хорошо они пели на два голоса. Отец начинал густым, красивым баритоном, по-особенному как-то глядя на маму, ...чтобы она не упустила нужный момент, когда ей нужно вступить в песню. ...Их голоса гармонично сливались, дружно и мощно подхваченные всей компанией...» (Cit. op., с. 128).

Другой гранью приобщения к народной культуре является любовь к народному языку. И этот народный язык, с детства слышимый и любимый автором, ярко представлен в книге устами разных героев. Не случайно одна из героинь, кстати, со школы и поныне подруга автора, рассказывает: «Бывало, баба, посмеиваясь, скажет: “Ну ты ноне, как цолок пять”...— “Баба, а што это значит?” — спрошу ее.— “А то и значит, што все у тебя седня из рук валитца, соберись уж с умом-то”»... (Cit. op., с. 90).

Однако культура не исчерпывается языком и фольклором. Передавая слова и действия Инны, героини другого рассказа, писательница говорит о том, что ей самой дорога живопись, музыка и поэзия, которые, по ее собственному мнению, врачуют душу и тело, ибо утверждают непобедимость любви к людям, к малой и большой Родине, к народу, ко всему Мирозданию и, главное, к Богу (Cit. op., с. 167). «Человеческое сердце не может жить без любви. Оно, как нежный росток на ветру и холоде, погибнет без тепла, которое дает любовь. И даже если кажется, что душа опустошена, сердце не может больше любить — это самообман, потому что всегда есть кого и что любить: солнце, небо, звезды, живая природа, а главное — Бог» (Cit. op., с. 175).

Наивысшая награда по-настоящему творческой личности, а Л. Д. Алтунина, несомненно, является таковой, в отличие от массы графоманов, пишущих обо всем и ни о чем,— передать через свое произведение, через слово дух и веру, Любовь читателю. Она выражает это, в частности, и в размышлениях еще одной своей героини — художницы: «...Да, и вот эти люди, попавшие в беду, многие из которых еще мальчишки, за столь короткое время открыли для себя что-то новое, доброе, благодаря ее творчеству... поселяя надежды, уводя от отчаяния, неверия, безысходности и озлобления. Вон как по-иному — доверчиво и по-доброму — засияли их взгляды, просветлели в улыбках лица и — слезы на глазах» (Cit. op., с. 178).

Однако это слово должно пройти через период выдержки, чтобы обрести свой глубинный смысл. Так после длительного молчания «...у слов появился вкус и цвет» (Cit. op., с. 195). Это необходимо еще и для того, чтобы потом, когда человек остановится в своем жизненном беге и оглянется на пройденный путь, не было совестно за

многие слова и мысли, и поступки, которые тоже начинаются со слов. Вот и говорит Людмила Дмитриевна устами своего героя: «...Все хотят быть услышанными, а потому говорят и говорят, но когда сам много тарахтишь, никого и не услышишь, и тебя не услышат, потому что тоже тарахтят. И слова уже веса не имеют, шуршат, как прошлогодние листья» (Cit. op., с. 194).

Желания наши — источник страданий наших. Так говорит восточная мудрость. А вот устремленность к высокому, обозначенная высокая цель — великое дело. Они открывают путь к творению, благодаря им достигается духовная победа (Cit. op., с. 364). Это и есть высшая форма красоты. Однако красота важна и в обыденной жизни нашего серого дня, «...именно его глубинным ощущением всей красоты, полноты, многообразия и величия жизни даже в малых ее будничных проявлениях...» (Cit. op., с. 366).

Одним из свойств здоровой души является сорадование всему хорошему. Потому-то и красота природы вызывает у Л. Алтуниной радость. «Общение с природой, родство с нею, труд во имя нее есть древняя, неизменная, самая, быть может, надежная радость в жизни человека», — писал В. Астафьев*. И автор описывает ее восторженно, как творит кистью на холсте картину с натуры:

«Летнее солнце, столь пронзительно яркое — глазам больно глядеть на него — нещадно печет землю. Пыль на дороге, песок на берегу речки и дорожки в ограде так раскалены, что жгут босые ноги. И мы стараемся наступать на травку, приятно охлаждающую разгоряченные ступни» (Cit. op., с. 19).

«Всюду жизнь, нескончаемая, вечная жизнь! Жадно вбирает в себя (герой рассказа. — Прим. авт.) все краски дня, наслаждаясь, упиваясь ими» (Cit. op., с. 49).

«Березовый лес, напоминавший ему пушкинские сказки, наверное, потому что он был таким же просветленным, ясным и солнечным, как стихи Пушкина» (Cit. op., с. 54).

Как настоящий художник Людмила Алтунина любит любое время года. И хоть пишет прозой, но очень поэтично, лирично, и описание это звучит как стихотворение.

Вот песня зимы: «...Легкий снег. Легкий ветерок. Легкий воздух. Легкий вдох и легкий выдох... Как все-таки хорошо быть! Просто быть на земле!» (Cit. op., с. 243). «...Когда-то все это уже было: и светлая от снега ночь, и этот робкий и нежный шорох снежинок, похожий на тихий-тихий и родной шепот» (Cit. op., с. 280).

Какой художник останется безразличным к проявлениям весны? «И что-то неведомое, невидимое оживило погрузневшее белое безмолвие, утверждая необратимость хода времени, всесилие прихода весны ... И весь мир вдруг наполнился каким-то невыразимым, ликующе-жизнеутверждающим гимном. Гимном весны, пробуждения, ожиданием счастья и верой в то, что все мечты и надежды непременно сбудутся у всех» (Cit. op., с. 242). А вот замечательная поэтическая картина: «Весна... выдалась крайне ранняя, дружная. ...У домов, в полях, в лесу, на огороде видела снег, еще позимнему белый-пребелый, искрящийся, слепящий глаза. И лишь глубокая, насыщенная голубизна неба, какая бывает только в марте, яркое, ясное солнышко, теплыми своими лучами уже пригревающее кирпичные стены дома, да редкие, едва проклюнувшиеся проталинки на кочках, да еще несмело вытекающие из-под снега ручейки талой воды говорили о приходе весны. Она необъяснимым каким-то чутьем угадывалась в свежести воздуха, в дуновении ветра, в моем внутреннем неугасающем ликование от ожидания еще чего-то неясного, но непременно светлого и хорошего. Наверное, это состояние можно сравнить с пробуждением деревьев, которых весенний ток соков и сила жизни оживляют после крепкой зимней спячки и заиндевелости...» (Cit. op., с. 155). Хоть единое слово можно изъять из этого стихотворения?! «...Для меня пропустить мартовские весенние ручьи, как и майское цветение черемухи и

---

* Виктор Астафьев. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 8. Красноярск, "Офсет", 1997 г. «Паруна», с. 27

сирени, в ароматные гроздья которых люблю зарыться лицом,— значит потерять год» (Cit. op., с. 156).

Кто из читателей, познакомившись с описанием автора летней красоты любимых сибирских мест, не захочет навсегда поселиться там? — «Середина лета. Вечереет. Грустные сумерки неспешно опускаются на горячую землю сгущающейся синевой. В природе всегда сквозит какая-то необъяснимая, едва уловимая грусть в предвечерье, когда день переходит в вечер. Говорят, именно на исходе дня природа вступает в самый тесный контакт и наивысшую гармонию с человеком и приоткрывает ему свои тайны. Все обволакивает умиротворение, тишина, покой, нарушаемые только пронзительным монотонным стрекотанием кузнечиков в росистой траве да ленивым лаем собак. С небес, с гор, с катунских островов, от реки веет прохладой, а от земли идет тепло с тем незабываемым запахом самой земли, который можно уловить только в это время суток или после теплого дождя. Но после дождя примешивается еще и запах воды, и свежесть озона, витающего в воздухе, а в предвечерье, без дождя, земля пахнет по-особому, первозданно самой собой — землей и травой» (Cit. op., с. 103).

В целом природа, которой посвящена довольно большая отдельная глава в книге с соответствующим названием: «Как дивна мира красота! Заметки о природе (зарисовки с натуры)», выступает в мироощущении Людмилы Алтуниной, как безотказный целитель, лучший врачеватель и надежный сотоварищ человека. С ней надо не просто тесно и преданно дружить, но дружить бережно, заботясь о ней, и бесконечно любовно — быть в неразрывном благодарном единстве. И не только брать от природы, но и давать что-то взамен: сажать деревья, кустарники и цветы, ухаживать за землей и реками.

Однако любящее сердце Л. Д. Алтуниной, как и все любящие сердца, ранимо и с горечью реагирует, если встречает несправедливость, зло, нищету, боль, если Родина находится в тяжелом состоянии, если любимая земля плачет и стонет. Судьба родного Отечества небезразлична автору. Она глубоко волнует и заботит ее — это очевидно по всему ее творчеству.

Она считает, что с прошлой страной мы потеряли и что-то хорошее...

«...В их совхозе, когда-то — до провальных 90-х годов прошлого столетия — очень богатом... в постсоветское время справное это хозяйство пришло в полный упадок: сады забросили, полеводство — тоже; не стало ни коров, ни свиней, завод почти остановился, ценное оборудование растащили, ...квалифицированные специалисты разбрелись кто куда...» (Cit. op., с. 42).

И это на фоне процветающих столичных городов, хотя и там есть большое расхождение среди населения. Людмила Дмитриевна через героев рассказов передает свое, прямо скажем, недоверие такому мегаполису с его большим скоплением людей, с его толпами, сутолокой и стремлением к обогащению, к потреблению, к разного рода развлечениям и наслаждениям. Она думает, что большинство того, чем привлекает, обвораживает и прельщает большой город, для человека совершенно лишнее и показывает, как, к сожалению, в ущерб духовно-нравственному самосовершенствованию укореняется дух потребительства, предпринимательства, стремление к обогащению и деньгам, к «красивой» жизни в роскоши, не присущий человеку, выросшему в советское время, как противится этому душа простого русского человека (Cit. op., с. 73). «Можно жить иначе, ... — несуетно. И надо уметь довольствоваться малым...» — говорит Л. Алтунина (Cit. op., с. 354). Ну а в провинциальных городах и городках жизнь не лучше, чем на селе, когда у большинства их жителей большая часть пенсии и зарплаты уходит на оплату услуг ЖКХ и лекарства... Между строк произведения звучит голос автора, призывающий богатых: «Все деньги, деньги и

деньги. Нельзя так!» и малоимущих — не завидовать, ибо нет ничего хорошего там, где потребление поставлено во главу угла.

Чуткое ухо Людмилы Алтуниной различает гулкие удары колоколов над Россией. Они как бы говорят: «Господь вразумит и наставит вас, люди. Покажет путь на земле, научит любить ее. Веруйте и идите тем путем, молясь, без печали, уныния и сомнений. И даст вам Бог каждому этой дорогой, не плутая, в свое время дойти и обрести заповеданный град Китеж!»

Писатель приветствует людей, умеющих понять, кто правду и дельное говорит, а кто безответственный говорун или, того хуже, лжец, ведь говорят увлеченно, убежденно и чрезвычайно много. Как ее героиня, которая «...внутренним своим чутьем угадывала, чувствовала и безошибочно отличала... все настоящее от ненастоящего. Принимала жизнь именно во всех ее живых, истинных проявлениях, как и сама жила...» (Cit. op., с. 44).

Л. Д. Алтуниной, естественно, свойственен патриотизм. Не «квасной» или пустозвонный, а истинный. Это наглядно проявляется в ее реакции на гибель российского летчика Олега Пешкова в Сирии (Cit. op., с. 388). «...Как мы всей семьей радовались, когда видели по ТВ, что наши летчики уцелели и катапультировались... Как надеялись они выжить! Как болели мы за них!...» (Cit. op., с. 389).

Потому-то и память о Великой Отечественной войне жива у Людмилы Дмитриевны генетически. В ее ближней родне более десятка фронтовиков. Четверо ее родных дядей-сибиряков с войны не вернулись. Младшему из них, награжденному медалью «За Отвагу!» в жестоких сражениях за Воронеж, длившихся в сорок втором более двухсот дней и ночей, было всего восемнадцать, когда он ушел на фронт. Он умер от ран в дивизионном госпитале в сорок третьем на Курской дуге в неполных двадцать лет. Там и захоронен в братской могиле. Их имена — на обелиске в Парке Победы, в республиканской столице — городе Горно-Алтайске. Потому ей близки не только сами герои-фронтовики, но и те, кто находят, может быть, уже еле заметные следы траншей и окопов, а также каски, куски оружия, любят слушать рассказы о тех событиях, ухаживают за могилами, возлагают цветы к памятникам героев войны (Cit. op., с. 54). У автора есть и документальные книги о Великой Отечественной войне (Cit. op., с. 349). Ею немало написано о советских воинах (Cit. op., с. 399), представителях всех национальностей и народностей великой страны. Потому вспышки межнациональных противоречий восьмидесятых и девяностых годов вызывают у писателя глубокое неприятие. Так, Л. Алтунина пишет: «Жили дружно, весело. Было много друзей ... причем друзей со всего бывшего Союза. Не было никаких раздоров и с местными — все дружили между собой и по-соседски, и как коллеги. И все рухнуло, можно сказать, в одночасье, с развалом Советского Союза. Откуда-то вдруг у местных жителей возникли националистические настроения, все чаще стало звучать в адрес русских: “Понаехали тут...”» (Cit. op., с. 71).

Особое место в творчестве автора занимает любовь к Пушкину и Тургеневу. «У меня тоже есть и “мой” Пушкин. Есть и “мой” Тургенев. Сначала пришел ко мне Александр Сергеевич, потом — Иван Сергеевич. Я полюбила их всем сердцем. Они стали для меня как бы родными людьми» (Cit. op., с. 372) / «...Потрясением еще в детстве Тургенев вошел в мою жизнь и навсегда в ней остался. Герои тургеневских рассказов, некоторые события в них для меня — не только реальны, “списанные” с простых людей, но и вполне узнаваемы и даже близки...» (Cit. op., с. 373). А тургеневское ощущение родины, ее настоящего духа! «...Малую, как и большую свою Родину,

он всегда нес в сердце, был предан ей и верен. И сегодня читающему его он как бы заново многое открывает в этом нашем патриотическом мироощущении» (Cit. op., с. 377).

Вот и когда коренная сибирячка Людмила Алтунина приехала в центр России — на малую родину мужа, Вячеслава Алтунина, то полюбила «всю эту среднерусскую красоту» (Cit. op., с. 159). На земле у писательницы три, как она говорит, «не просто географических, но и душевных точки опоры: моя малая родина — Горный Алтай; Казань — лучший город на планете для меня, где прошли наши с мужем чудесные студенческие годы, и Центральная полоса России — Тула, где живу уже более сорока лет, где родились и выросли трое наших детей, а теперь растут и внуки» (Cit. op., с. 283). Но любит Л. Д. Алтунина все уголки Родины: и моря ее, и леса, и сады, и города, и другие места. И обо всех их говорит с любовью и поэтично (Cit. op., с. 307— 319).

Дорогой читатель! В заключение настоятельно и от всего сердца рекомендую — непременно прочтите книгу Л. Алтуниной «Чайка с того света...». Вы найдете в ней много ценного и полезного и для себя, и для воспитания своих детей. И самое главное, найдете там большую Душу, великое Сердце, душу и сердце Чайки Света — Людмилы Дмитриевны Алтуниной!

*Яков Шафран,
г. Тула*

**РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ
НИКОЛАЯ МАКАРОВА
«ВОСПОМИНАНИЯ ТУЛЬСКОГО ДЕСАНТНИКА»**

НИКОЛАЙ МАКАРОВ — О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

В начале статьи расскажу немного об авторе книги «Воспоминания тульского десантника» Николае Алексеевиче Макарове. Родился он 11 декабря 1947 года в городе Мичуринске Тамбовской области. Образование высшее. Врач. Десантник.

С 1972 по 1993 год служил в армии. Участвовал в боевых действиях в Афганистане. Принимал участие в событиях на Кавказе. Привлекался (1975—1980) для обеспечения космических полетов по линии Поисково-спасательной службы ВВС.

Кроме того Макаров Н. А.— гвардии майор медицинской службы, член Союза писателей России, член редколлегии журнала «Приокские зори». Автор 23 книг, печатался в журналах, альманахах, газетах. Лауреат литературных премий: имени Л. Н. Толстого, «Левша» имени Н. С. Лескова, имени С. И. Мосина.

«Творчество всякого талантливого автора отражает его личность, ибо в том-то и заключается художественное творчество, что внешний объективный материал перерабатывается вполне индивидуально, психикой художника»,— писал В. В. Воровский.

Читая книги Николая Алексеевича, мы видим, что творческий облик писателя неразрывно связан с особенностями его биографии.

Главный редактор литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин в предисловии к первому изданию книги «Записки батальонного врача» (часть «Записок» вошла в новую книгу) написал: «Семь лет назад, встретив Николая Макарова и зная его много лет, впервые услышал от него увлекательные рассказы о службе в Воздушно-десантных войсках, о его встречах с интересными людьми, о его профессии военного врача, о веселых и грустных приключениях — иначе и не назовешь — случившихся с ним самим за более чем двадцать лет службы в Армии, о его детстве, школе, институте...».

Жизнь представляет собой череду событий, открытий, совершаемых человеком. Жизнь — это путь, начиная от рождения до самой смерти.

Первые главы четвертого издания этой книги: «Истоки», «Восьмая школа», «Томск», «Институт» посвящены родителям автора, а также его детским и юношеским годам.

В главе «Истоки» автор пишет: «Где-то прочитал в детском возрасте у Марка Твена: «Дети, будьте осторожны при выборе своих родителей».

«Я не проявил ни йоты осторожности, нет, не в выборе места и времени рождения. Какая, на фиг, может быть осторожность, если на улице декабрьские морозы под сорок (заканчивался, как ни странно, сорок седьмой, аж прошлого века), а у матери тоже под сорок и более, только с противоположным знаком. И тифозный мужской барак, куда свозили со всего Мичуринска и окрестностей (Тамбовские бурые товарищи — мои земляки, и тем горжусь) послевоенных бедолаг умирать, а кому посчастливилось, у кого где-то там, в Горних Высях, имеются покровители, то и выжить. Выжить вопреки логике и здравому смыслу. Мать в тифозном бараке рожала. Я в тифозном бараке родился. Мать и я выжили. Как выжил в сорок втором и мой отец — Макаров Алексей Дмитриевич».

Отец писателя — участник Великой Отечественной войны, фронтовой разведчик, потерявший в бою ноги и ставший инвалидом. После окончания института работал в сельской школе. Писал стихи. Мать автора — тоже преподавала в этой школе.

Далее Николай Алексеевич вспоминает учебу в институте, свою службу в Советской Армии. Он полон сил и надежд, он горит идеей и с большим энтузиазмом и огнем в глазах стремится к намеченной цели. И здесь на него обрушивается поток самых разных жизненных историй и приключений.

Советская армия — самое яркое воспоминание и в моей жизни, это не только армейская школа, но и школа жизни. Служба армейская, как и наша молодость, будут с нами всегда! И очень хорошо, что писатель сохранил на страницах книги атмосферу того времени, когда мы были молоды.

Армейский коллектив — сложная структура, которая функционирует по своим правилам. Здесь существует строгая иерархия, которая прописана в Уставе. Конечно, кроме деления военнослужащих на подчиненных и начальников, существует еще и неформальная иерархия. И я знаю по своему опыту, что порядок в подразделении зависит от командира. Если он честно служит, а не выслуживается, и переживает за свое дело и вверенных ему людей, то в его вотчине будет полный порядок.

За годы службы у Николая Алексеевича накопился огромный багаж воспоминаний. Они прошли через его душу, переживания, радости и надежды. Он открывается перед читателями, делаясь личным и сокровенным. Ему есть что рассказать. За его плечами большая, насыщенная событиями, интересная жизнь.

Так, автор пишет: «Чем, в принципе, отличаются военнослужащие от гражданского населения?»

Однообразием. Одинаковая форма одежды, одинаковый строевой шаг.

Одинаковая... Одинаковый... Одинаковое... «Безобразно, но однообразно!» Правильно, этим и сильна Армия.

Но, однообразие до разумных пределов. Не до маразматических выкрутасов и вывертов разнообразных. И что характерно, чем ниже по званию начальник, командир, тем изощреннее, тем унизительнее он старается задавить своих подчиненных. А если вдобавок не хватает знаний, не «тянет» интеллект — пиши, пропало. Вместо того, чтобы заниматься боевой подготовкой (стрельбой, рукопашным боем, тактикой), можно (что намного проще) проводить бесчисленные заседания и собрания, по всякому пустяку строить личный состав».

Макаров Н. А. не только интересный автор, но и, без сомнения, добрый и умный человек, способный больше отдавать, чем брать. Это писатель — жизнелюб, а его

проза — мировоззренческое осмысление жизни. Произведение носит мемуарный, автобиографический характер.

Основанное на реальных событиях, его произведение легко читается. Здесь есть место переживаниям, метким и тонким наблюдениям, психоанализу. Он просто называет вещи своими именами, используя свежие, незатасканные слова. Основное внимание сосредотачивается им на чувствах и ассоциациях.

В ней немало мест, исполненных живого и светлого юмора (главы: «Этюды армейской жизни», «Как я не стал»). Каждый человек по-своему уникален, руководствуется своими чувствами, побуждениями, желаниями. Проблема взаимопонимания — ключевой аспект этих глав. Автор подводит нас к мысли, что мы должны заботиться друг о друге и оказывать помощь. Стиль изложения подчеркивает комизм описываемых ситуаций, которые просты и понятны каждому. В них искрится живая наблюдательность, звучит берущая за душу задиристая нотка, чистая и светлая. Такая интонация рождает атмосферу особого доверия к автору.

Такое выдумать невозможно. Это нужно прочувствовать, испытать и понять.

В новостях и телевизионных передачах нам обычно рассказывают о подготовке космонавтов к полетам, стартах космических кораблей, научных космических программах. И довольно скупо говорится о том, кто встречает эти приземлившиеся космические корабли.

Радость от возвращения на землю из рискованного путешествия может омрачиться более серьезными испытаниями, чем в самом космосе.

Сразу найти приземлившихся космонавтов, оказать им необходимую помощь и поддержку входит в обязанности вертолетного полка, к которому был прикреплен в качестве врача-десантника автор книги — Н. А. Макаров.

В главе «О космосе» Николай Алексеевич рассказывает: «...Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года, меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полетов. В основном, запусков и спусков космонавтов. Привлекали, наряду с другими, в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов — Рождественский на «Союзе-23») и в июле 1978 года (Коваленок — Иванченков на «Союзе-29» — «Салюте-6») и Климук — Гермашевский на «Союзе-30» — «Салюте-6»). Обо всем увиденном и пережитом автор подробно написал в книге.

Писатель умеет изображать характеры людей и явления реальной жизни в их основных, ведущих чертах. Очень хорошо сказал об этом И. С. Тургенев: «Кто все детали передает — пропал. Надо уметь схватывать одни характеристические детали. В этом одном и состоит талант».

Читатели ищут и находят в книге строчки, созвучные их мыслям и чувствам. Их радует встреча с автором «по душе».

Н. А. Макаров — мастер обличения лицемерия, подлости, фальши и самообольщения (глава «О тех, с кем служил»). А функция литературы и состоит в том, чтобы правильно ставить вопросы в художественной форме с позиций нравственности и отвечать на них. Хочется верить в человеческую отзывчивость, доброту и честность. Ведь они творят чудеса, изгоняя недоверие, непонимание и враждебность.

В книге «Воспоминания тульского десантника» сохраняется память сердца, звучит авторский рассказ о времени и о себе.

Непростой проблеме нравственного выбора посвящена глава «Горячие точки и ГКЧП». Здесь Николай Алексеевич вспоминает о своих встречах с генералом А. И. Лебедем.

Как оценить этого человека? Для одних он — Герой, а для других — Предатель!

Решать для себя должен каждый в соответствии с собственным представлением о нравственности, долге и чести.

Так, генерал А. И. Лебедь не выполнил приказ Министра обороны. Если бы он не предал — Б. Н. Ельцин не победил и не произошел бы развал Советского Союза, за сохранение которого проголосовало подавляющее большинство советских людей. Это знают все, кто был взрослым в девяностые годы. Если бы генерал исполнил присягу, сейчас могло бы быть все по-другому.

Приведу эпизод об этих событиях из книги Н. А. Макарова: «Кто-то на свой транзистор ловит «чужой» голос. Все ошарашены! Что он несет? Этот гадюшник? Какую ересь порет? Не может быть! Чтобы Лебедь? Наш Лебедь! Предал? Сдал? Нас с потрохами! То есть, с батальоном десанта перешел на сторону Ельцина!..

В этот момент в тактический класс входит Попов. Входит тень от Попова. Серая, враз осунувшаяся тень эталона настоящего русского Офицера.

— Звонил Лебедь! Просил не считать его предателем! — гробовую тишину прервал тусклый, с осипшим надрывом голос Попова.— Всем сдать оружие и по домам!».

«Настоящий человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающий к сердцу его интересы,— утверждал В. Г. Белинский. А генерал Лебедь предпочел свои интересы интересам страны. И кто он после этого?

Писательский труд — это очень сложная и кропотливая деятельность, которая требует полной погруженности в рабочий процесс.

К книге «Воспоминания тульского десантника» с уверенностью можно отнести утверждение Вольтера, что «читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу, значит вновь увидеть старого друга».

Книга действительно удалась, она изобилует запоминающимися эпизодами и деталями. От ее прочтения остается светлое ощущение. Так и держать, уважаемый Николай Алексеевич!

*Евгений Трещев,
г. Щекино*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ НИКОЛАЯ МАКАРОВА «ВОСПОМИНАНИЯ ТУЛЬСКОГО ДЕСАНТНИКА»

Книга Макарова Н. А. «Воспоминания тульского десантника» является, по сути, его автобиографическим повествованием, рассказом о жизненном пути автора, начиная с детских лет и завершаясь службой в воздушно-десантных войсках и увольнением в запас.

Автор последовательно рассказывает о своей сельской, городской, школьной и институтской жизни. Он с любовью пишет о своем детстве, о людях, которые его окружали, о школьных друзьях и товарищах, о сельском и городском быте того времени, расцвечивая повествование интересными и сегодня для многих, особенно для молодежи, неизвестными или малоизвестными деталями.

Для понимания дальнейшей творческой судьбы автора важно то, что уже на студенческой скамье он начинает писать свои первые журналистские заметки, первые рассказы, часть из которых вошла в его книгу. Это уже тогда позволяло говорить о его проявляющемся литературном таланте.

Но, конечно, главное в книге — это повествование о жизни и работе офицера-

медика, более двадцати лет прослужившего в воздушно-десантных войсках. Что, учитывая их специфику, делает книгу и записки ее автора особенно интересными и привлекательными. Причем, не просто привлекательными, но и заслуживающими серьезного внимания, поскольку Макаров Н. А. принимал участие в Афганской войне, прошел многие горячие точки начинающегося разваливаться Советского Союза: Сумгаит, Тбилиси, Баку.

Не случайно, что самая большая часть книги посвящена службе автора в первом парашютно-десантном батальоне Тульского 51-го гвардейского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка и в целом в 106-ой гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-ой степени дивизии.

Макаров Н. А. с любовью, уважением, а иногда и с восхищением пишет о солдатах и офицерах, с которыми его свела судьба в различных жизненных ситуациях. Дает им очень интересные, точные характеристики, отмечая особенности и своеобразие их характеров, подходов к выполнению ими своих служебных обязанностей. Причем делает это не заигрывая, не пытаясь что-то приукрасить, слащаво рассказать об этих людях, а давая им иногда даже жесткие, нелюбезные оценки, которые делают героев его записок особенно узнаваемыми и интересными.

Автор профессионально рассказывает о буднях армейского быта, рисует характерные сценки службы десантников. Все это дается в тесной увязке с жизнью и деятельностью конкретных людей, солдат и офицеров Тульской воздушно-десантной дивизии.

Причем, как военврач парашютно-десантных войск, Макаров Н. А. занимался не только медицинской работой в батальоне и дивизии, но и своей военной подготовкой, в ходе которой лично совершил более ста прыжков с парашютом. Этому он уделил в записках особое внимание, рассказывая о своих ощущениях и парашютных прыжках своих товарищей.

Наверняка привлекут внимание читающих эту книгу записки автора о событиях августа 1991 года, связанных с образованием ГКЧП и участии в них тульских десантников.

Читателям будут, безусловно, интересны и малоизвестные детали деятельности Поисково-спасательной службы Военно-воздушных сил, куда автора привлекали на протяжении более пяти лет для обеспечения космических полетов.

Книга «Воспоминания тульского десантника» написана хорошим русским литературным языком. Иногда он несколько грубоватый, своеобразный, но точно передает живой армейский язык и армейскую лексику. При этом автор не переходит ту грань, которая отделяет нормативный русский язык от ненормативного, ставшего сегодня для некоторых так называемых «писателей» показателем их якобы «творческого таланта». Автора отличает хорошее чувство юмора. Книга читается легко, с большим интересом.

В целом книга Макарова Н. А. интересна тем, что ее автор, описывая реальные события, жизненные ситуации, не придумывает их, не старается приукрасить, показать себя в выгодном свете, а честно и правдиво рассказывает о своей жизни и жизни своих героев. Поэтому у читателя воспоминаний даже не возникает мысли об их придуманности или надуманности, нереальности или неправдоподобности рассказов автора.

При этом Макаров Н. А. четко определяет свою гражданскую позицию, с возмущением пишет о некоторых фактах хамства, грубости, а иногда и подлости, к сожалению встречающихся в армейской, да и не только в армейской, среде, но отмечает при этом, что в ВДВ они встречаются в меньшей степени.

Вообще книга проникнута чувством любви автора к воздушно-десантным вой-

скам, к своим товарищам по оружию, гордости за принадлежность к этому славному роду войск, исповедующему девиз: «Никто, кроме нас!».

Сегодня Макаров Н. А. стал, в первую очередь, писателем, героями которого являются люди в военной форме, выполнявшие и выполняющие гражданский и военный долг, защищавшие и защищающие нашу Родину. Он автор книг о туляках: участниках Великой Отечественной войны и Афганской войны, различных военных конфликтов, артиллеристах, суворовцах.

И это не случайно. Николай Алексеевич — сын героя Великой Отечественной войны Алексея Дмитриевича Макарова. Поэтому автор начинает свою книгу с рассказа об отце, фронтовом разведчике, семнадцатилетнем юноше, ушедшем добровольно на фронт и тяжело раненном во время одного из боев. Чудом оставшись в живых, но потеряв обе ноги, Алексей Дмитриевич сумел стать полноценным человеком, посвятив себя благородному делу воспитания молодого поколения, проработав тридцать четыре года в сельской школе учителем, а затем и ее директором.

Безусловно, пример отца стал путеводной звездой для его сына Николая Алексеевича Макарова, во много повлиял на формирование его характера, определил его жизненный путь. Офицер-десантник Макаров Н. А. прошел этот путь достойно и сегодня имеет полное право, обращаясь в своей книге «Воспоминания тульского десантника» к молодому поколению третьего тысячелетия, сказать, что оно должно иметь своих героев, которых будет всегда вдохновлять «мужественный образ наших героических дедов и прадедов».

*А. И. Юрьев,
доктор исторических наук, профессор,
вице-президент Международной
педагогической академии,
ветеран боевых действий в Афганистане*